

A detailed engraving of a cherub, likely from a classical work. The cherub is depicted from the waist up, with curly hair and a serene expression. It is holding a small plant or branch in its right hand. The background features intricate scrollwork and architectural elements, rendered in a fine-line, hatched style. The overall tone is dark and monochromatic.

Анна Малышева

Завтра
ты умрешь

Анна Малышева

Завтра ты умрешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20584519

ISBN 9785448308789

Аннотация

Вдали от городского шума, в глубине леса, среди вековых сосен притаился дом. Его молодая хозяйка вот уже несколько лет не выходит за ограду, не принимает гостей. Любящий муж скрывает от всего мира ее загадочное душевное расстройство, целиком доверившись частному врачу. Все прихоти Ксении исполняются, ее зачарованный мир похож на сказку... Но достаточно одного взгляда со стороны, чтобы заподозрить – здесь готовится преступление.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	50
Глава 4	76
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Завтра ты умрешь

Анна Малышева

© Анна Малышева, 2016

ISBN 978-5-4483-0878-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Я высказалась, а ты поступай как хочешь! – молодая женщина резко остановилась, и принялась перевязывать козынку на голове. Мужчина, следовавший за ней по пятам, остановился тоже. – Седьмой аквариум! Седьмой!

– Но не ты же их чистишь, – возразил супруг, тоскливо следя, как та туго стягивает на затылке узел из синего шелка, связывает концы косынки бантом. – Они не мешают!

– Как сказать! – иронично заметила Ника, оглядывая себя в тонированном стекле припаркованного рядом автомобиля. – Пять дней в неделю мы с тобой работаем, видимся только перед сном, в субботу ты весь день чистишь аквариумы, играешь со своими тритонами и лягушками, а в воскресенье мы едем на «Птичку» закупать для них провиант, песок, камни, водоросли и прочий бред! Конечно, не мешают!

– Ты же любишь на них смотреть! – не сдавался муж. Женщина возмущенно, но не зло фыркнула. В сущности, ее уже тянуло улыбнуться – за пять лет совместной жизни им ни разу не удалось поссориться всерьез. «Идеальная пара!» – говорили про них ее подруги. Это Нике не нравилось – от слова «идеал» веяло чем-то мертвенным.

– Знаешь, Олег, – она упорно сохраняла рассерженный вид, – когда я притаскиваюсь с работы, то смотрю не на твоих тритонов, а сквозь них. Вообще сквозь все! Первые пол-

часа...

– Ну, хорошо, – сдался он. – Давай купим тисс на «Садовое», и домой.

– А тритоны перебыются без новой аранжировки?

– Потерпят, – ответил Олег упавшим голосом. Она не выдержала и обняла его:

– Пошли, я сама их люблю. Так, нашло что-то... Сперва купим все для животных, а потом мой тисс. Часа за два управимся, к пяти будем дома...

Она вдруг запнулась, провожая взглядом проходившую мимо женщину. Та как раз миновала цветочный павильон, возле которого остановилась супружеская пара, и остановилась у следующего, возле входа в который была устроена выставка декоративных трав в горшочках. Женщина эта (Олег видел ее только со спины), привлекала внимание. Высокая, она казалась еще выше из-за сабо на платформе. Ярко-желтый, цыплячьего цвета джинсовый костюм вызывающе плотно облегал ее фигуру. Длинные пряди белокурых волос, рассыпавшиеся по спине, казались накладными – уж очень были густыми и блестящими. Ника стояла, провожая ее взглядом, даже слегка приоткрыв рот от изумления.

– Если бы не эти волосы! – еле слышно пробормотала она. – Мне кажется, я ее знаю.

– Знакомая?

– Похоже на то, – она бессознательно вцепилась в его руку, по-прежнему глядя на женщину в желтом костюме. – Я

не уверена.

Тем временем женщина в желтом громко отдавала приказы продавцу:

– Дайте десять горшков белого вереска, и десять, нет, пятнадцать лилового. А эта травка сильно разрастается? Дайте три, нет, пять, и еще покажите вон ту, с белыми цветочками... Это все многолетники?

– Деменкова! Ты?! – воскликнула Ника, и блондинка резко обернулась. Пряди волос разлетелись по плечам, Олег увидел загоревшее, ярко покрашенное, грубовато чувственное лицо. Со спины он дал этой женщине лет двадцать восемь – возраст своей жены. Лицо прибавило незнакомке десять лет.

– Ну и ну... – проговорила та, выпуская из рук горшочек с вереском. Продавец едва успел подхватить его на лету. – Ника?! Елагина? Ты в Москве?!

И не ожидая ответа, бросилась к Нике, сдавила ее в объятьях. Та что-то пискнула, и в свою очередь, обняла эксцентричную даму в желтом. Олег, успевший понять, что присутствует при встрече старых подруг, дипломатично держался в стороне. Деменкова успела окинуть его цепким, оценивающим взглядом светло-голубых глаз, которые из-за жирной синей подводки казались почти бесцветными. Женщины разомкнули объятия, Ника вспомнила о муже:

– Олег, это Наташа Деменкова, помнишь, я тебе рассказывала? Мы вместе учились в институте. Наташ, это мой муж.

Олег ничего не помнил, но приветливо кивнул. Наталья Деменкова чарующе улыбнулась, растянув полные губы, покрытые жирным слоем блестящей розовой помады. Все в ней было ярким, сверкающим, чрезмерным. Она напоминала цирковую дрессировщицу – не хватало лишь хлыста, цилиндра, и конечно, диких зверей.

– Очень приятно, – женщина послала ему долгий загадочный взор, – а я часто о тебе вспоминала, Ник. Все думала, за кого ты вышла, если вышла?

– Считала, засижусь в девках? – рассмеялась Ника. – А я выскочила сразу, как закончила институт. И не вернулась в Питер.

– Правильно, нечего на одном месте сидеть, – кивнула та. – А я вот не вышла замуж! И наверное, уже не выйду.

Произнесено это было без тени сожаления, даже весело. Ника махнула рукой:

– Какие твои годы!

– Не в этом дело, – туманно возразила подруга. – Торопишься? Зачем приехали?

– Хотим кое-что купить для аквариумов, и я присмотрела в прошлый раз маленький тисс. Хочу попробовать посадить на даче.

– Учти, он ядовитый! – предупредила та. – Я тоже за цветочками. Значит, получается двадцать пять горшков вереска, пять с травкой, и три вот этих, с беленькими кисточками. Сколько с меня? – обратилась она к продавцу, успевшему

упаковать товар в объемистые пакеты. – Получите! Как же я это дотащу до машины?!

– Я помогу, – вызвался Олег, подхватывая пакеты. – Где ваша машина?

– У въезда на рынок! – обрадовалась Наталья, подхватывая под руку подругу. – Там, кстати, кафе имеется. Перекусим?

И не дожидаясь ответа, потянула за собой Нику. Олег двинулся за женщинами, попутно прикидывая, какая должна быть машина у этой особы. Ему представлялось что-то столь же эксцентричное, как хозяйка, на которую оглядывались все встречные мужчины, и он был обескуражен, увидев «девятку», потрепанную и пыльную. Наталья распахнула багажник и живо набила его горшками с растениями, бесцеремонно швыряя их как придется, или ставя чуть не кверху дном. Ника, трепетно относившаяся ко всему живому, вмешалась и кое-что переставила.

– Да брось, – протянула та, брезгливо отряхивая руки от приставшей земли и придиричливо осматривая маникюр.

– Помнутся, – возразила Ника, осторожно закрывая багажник. – Клумбу хочешь сделать?

– Нет, могилу оформить, сегодня похороны, – бросила Наталья, хмурясь на ноготь, вызвавший у нее подозрения. – Не пойду больше к этой маникюрше, ногти на другой же день отклеиваются!

Ника расширенными глазами смотрела на подругу, потом

перевела взгляд на мужа. Тот слегка кивнул, подтверждая, что жена не ослышалась.

– Подумать только, все воскресенье пропало из-за того, что эта тварь загнулась! – Наталья в сердцах оторвала накладной ярко-розовый ноготь и спрятала его в нагрудный карман обтягивающей курточки. – Цветы ему еще покупай, змеюге! Я родственникам на могилы ничего не покупаю... Ну, пойдемте, съедим по шашлычку за встречу? А то сегодня будет столько хлопот, толком не пообедаешь.

Подняв глаза, она увидела смущенные и растерянные лица супругов, удивленно подняла брови и вдруг рассмеялась:

– Да у нас змея сдохла, питон! Два метра длиной! Сожрал что-то! А вы подумали, я о человеке?!

– Питон? – заинтересовался Олег, проникшись еще большим интересом к новой знакомой. – У вас жил питон? И долго?

– У моей подруги, не у меня, – та продолжала улыбаться, наслаждаясь произведенным впечатлением. – Я бы ни за что не завела... Она-то его любила, он у нее жил лет восемь, но я его видеть не могла! Честно говоря, такое облегчение, слов нет! – она прижала руку к груди и завела глаза к небу. – Ведь я спать боялась – все казалось, что он сломает клетку и выберется! Как он меня ненавидел – фантастика! Как-то раз, когда я его кормила...

Продолжение захватывающей истории о том, как питон вместо своей привычной пищи – оглушенной белой мыш-

ки, попытался схватить палец Натальи, не оставило сомнений в том, что почивший был ее заклятым врагом, с которым она почему-то была вынуждена жить под одной крышей. Все разъяснилось в кафе, после того, как официантка удалилась на кухню отдать заказ.

– Сейчас моя Ксения, конечно, в слезах, никого другого заводить не хочет, но если вздумает купить второго... Уволюсь, ни на что не посмотрю!

– Извини, так где ты работаешь? – переспросила Ника. – Я не очень поняла...

– Я... – вдруг замялась Наталья, – как бы это выразиться точнее...

Взгляд ее голубых глаз, только что казавшийся жестким, стал неуверенным и забегал. Олег с Никой украдкой переглянулись.

– Я компаньонка у одной богатой дамы, – хрипло, но твердо заявила, наконец, та. – Только не называй меня, пожалуйста, приживалкой! – резко добавила она, хотя подруга и не думала ничего говорить. – Я зарабатываю свои деньги, а не выклянчиваю! Если бы ты видела, как я кормила этого уродя, которого сегодня зароят в саду, ты бы не смотрела на меня так!

– Как? – возразила Ника. – Я просто слушаю.

– Нет, ты смотришь на меня, как на приживалку старой барыни из «Му-му»! – Наталья покосилась на официантку, которая вернулась с салатами на подносе. – Будто я за ней

объедки подбираю и обноски донашиваю! Между прочим, она во мне нуждается куда больше, чем я в ней!

– Да я же ничего не говорю! – воскликнула подруга, сбивая с толку этим потоком эмоций. – И потом, что тут необычного?

А Наталья, сделав непростое признание, уже свободно, с охотой рассказывала о своем диковинном месте работы. Она даже хвасталась.

– Знаешь, сперва я хотела отказаться, но Ксения так меня уговаривала! И она, и ее врач, и даже ее муж – а уж его время чего-то да стоит! Он очень значительный человек, – Наталья гордо выпрямилась, и потрясла куском шашлыка, наколотым на вилку: – Очень! И сам, лично, два часа подряд убеждал меня согласиться! Короче, я сдалась, хотя вообще-то, искала совсем другую работу. Кстати, где ты работаешь, Ник?

– В иностранной редакции женского журнала, – улыбнулась та. – Переводы статей, адаптация... Сама ничего не пишу. Завидовать нечему. А вот Олег пишет...

– Для мужского сетевого канала, – вставил тот. – В основном, о спорте.

– Понятно, – кивнула Наталья. – Ну, а я после нашего журфака пробовала прижиться в одном крупном издательском доме, но это оказалось не по мне. Было такое впечатление, что понадобится вся жизнь, чтобы кем-то там стать. А связей у меня, сама знаешь, нет. Я из Саратова, – обратилась она к Олегу, – так что... Короче, с деньгами было неважно, каж-

дый месяц сомневалась, смогу ли уплатить за квартиру. Мне посоветовали обратиться в кадровое агентство для домашнего персонала. Возраст был – двадцать девять, диплом, коммуникабельность, приятная внешность, наконец, – не без самодовольства подчеркнула Наталья, эффектно трянув платиновыми локонами. – Правда, иногда им требуются как раз дурнушки... Я хотела присматривать за какой-нибудь богатой девочкой, заниматься с ней немножко в дневные часы, водить по музеям, театрам – образовывать, короче. Мои данные взяли в базу, поместили фотографию, резюме... Я заплатила последние деньги и стала ждать. Или нет, вру, – она вдруг рассмеялась. – Ничего хорошего я не ждала. Никаких там одиноких вдовцов с непонятыми нежными сердцами... «Джейн Эйр» – не самый мой любимый роман.

– Ты и не похожа на Джейн Эйр, – заметила Ника, увлеченно слушавшая подругу. Она совсем забыла о еде. Наталья хлебнула из банки безалкогольного пива:

– Если бы я была на нее похожа, эта работа мне бы не светила, – убежденно сказала она. – Представь, через неделю мне звонят из агентства, просят приехать на просмотр. Еду. Смотрю – сидит в кресле вальяжный такой мужчина в твидовом пиджаке с заплатками на локтях, курит трубку, сверкает золотыми очками. Интересный, на англичанина похож. Я сперва подумала – тот самый одинокий вдовец, даже сердце ёкнуло, но это оказался психоаналитик моей хозяйки. Начал вопросы задавать. Уж не помню, что он спрашивал, как я от-

вечала, ушла с задуренной головой. Думала – провал. А мне в тот же вечер звонят: «Вы подошли!»

Она улыбнулась:

– А при встрече выяснилось, что девочка-то, за которой надо присматривать, мне ровесница. Я с ней тогда и познакомилась. Честно говоря, было не по себе – как же так, зачем взрослому человеку присмотр? Она выглядела шикарно – классический костюм, бриллианты... А часы – по стоимости, как машина. Сдержанная, вежливая, никаких там «ты»... Только на «вы». Сразу видно, образованная, из хорошей семьи, а не из анекдота про жен новых русских.

– Может, ей просто было одиноко? – увлекся Олег.

– Да не просто, – качнула головой рассказчица. – В общем, мне не полагается этого разглашать, но... Вы же никому не скажете, правда? Да и фамилии ее вы не знаете.

Супруги дружно поклялись, что никому ничего не скажут. Водоросли для аквариумов и тисс к тому моменту были забыты.

– У Ксении большие проблемы с головой, – громким шепотом сообщила Наталья, и значительно подняла указательный палец: – Очень серьезные! Ей бы в больнице лежать, но муж ее обожает, боится отпускать. Она лечится дома, понятно, что лишние гости там не приветствуются. Подруги, какие прежде были, думают, что ее вообще нет в стране, представляете? С тех пор, как это с ней случилось, она для всех в Испании, живет в собственном особняке у моря. Муж

уже пять лет вот так ее прячет... Ей в этом загородном доме ужасно одиноко, хочется с кем-то общаться, дружить... Когда она стала жаловаться на одиночество, ее психотерапевт решил, что нужно найти женщину для совместного проживания и общения. Я им подошла по всем статьям.

– А они тебе? – поинтересовалась подруга.

– Знаешь, иногда я сама забываю, что мне платят деньги за то, чтобы я дружила с Ксенией, – призналась женщина, и ее резкий голос прозвучал тепло. – Я к ней очень привязалась.

– Но что с ней случилось? – сочувственно спросила Ника. История показалась ей необычной, но еще за годы учебы в институте и дружбы с Наташей Деменковой она привыкла к тому, что обычные вещи с той не случаются. Наташа, как магнит, притягивала к себе необычных людей и странные обстоятельства. Олегу не напрасно показалось, что она похожа на циркачку. Ее жизнь имела так же мало общего с обычной, среднестатистической жизнью, как укрощение львов – с бухгалтерским учетом. Супруги ожидали услышать душераздирающую историю, но Наталья неожиданно просто ответила:

– Я не знаю.

– Как?! – поразилась Ника. – Ты живешь с ней не один год...

– Почти пять лет, – уточнила та. – Да, живу и не знаю. А кого спросишь? Генрих Петрович, психотерапевт, не ответит, мужа спрашивать – это верх цинизма, он так за жену

переживает... Молча, все молча. Не такой он человек, чтобы перед кем-то плакаться! А ее саму трогать... – Наталья вздохнула и поманила официантку. – Счет, пожалуйста! Ее я расспрашивать боюсь. Всего не расскажешь, но она не зря сидит взаперти, бедняжка... И знаете, иногда мне кажется – она забыла, что с ней случилось. То, что ее сломало, просто исчезло у нее из памяти. Такое бывает при очень сильном потрясении. Называется «вытеснение». Я с Генрихом Петровичем беседовала, нахваталась, – пояснила женщина.

– А дети у них есть? – спросила Ника, вспомнив двухлетнего Алешку, оставшегося дома под надзором бабушки. – Может, это с ней из-за того, что умер ребенок? Почему-то мне подумалось...

– Дети есть, двое дочерей, – удивила ее Наталья. – Близняшки, десять лет. Живут в Англии, учатся в частном пансионе. Она к ним совершенно равнодушна. Михаил Юрьевич, ее муж, недавно туда ездил, привез записи – целый час снимал девочек. Она хоть бы одним глазом посмотрела! – Наталья удрученно тряхнула платиновыми локонами.

– И так было всегда, или только после ее... Сдвига? – осторожно поинтересовался Олег.

– Я знаю только то, что было после, – вздохнула женщина. – Я сама появилась после. Ну, ладно, меня уже там потеряли, пора ехать. Нет-нет, я угощаю! – запротестовала она, отнимая у Олега счет. – Ника, диктуй номер, а я тебе оставлю свой. Созвонимся, только не сегодня, ладно? Представляю,

что будет с Ксенией на этих дурацких похоронах! Ведь она этого питона любила, грех сказать, больше, чем собственных детей! Только и было слышно: «Сёмочка сегодня грустный, Сёмочка вялый, Сёмочку пора купать...» Правда, и он ее любил! – отдала дань справедливости Наталья. – Все, целую, бегу! Теперь не теряйся!

Спустя секунду желтый джинсовый костюм мелькал на автостоянке. Супруги, слегка оглушенные, переглянулись.

– Она не изменилась, – проговорила Ника. – Только вот волосы... Раньше Наташка была рыжая.

– Занятная история, – Олег все еще высматривал на стоянке ярко-желтую фигурку, – думаешь – правда?

– Самое удивительное в Наташе то, что она никогда не врет, – ответила жена. – Можешь назвать ее вульгарной, хвастливой, грубоватой, какой угодно – но она не врунья, и сердце у нее золотое. Иначе, как думаешь, почему я с ней пять лет жила в одной комнате душа в душу?

– Странно, что я не встречал ее, когда приходил к тебе в общагу, – заметил Олег.

– Это было на пятом курсе, а она тогда в основном жила у своего парня, – пояснила Ника. – Не успела спросить, как с ним все кончилось... Дело шло к свадьбе.

– И так ясно, что кончилось не свадьбой, – Олег взглянул на часы. – Ну, помчались, если хочешь что-нибудь купить!

Дома их отец и сын весь вечер возились в ванной, мокрые с головы до ног и безмерно увлеченные переселением зем-

новодных из одного аквариума в другой. Свекровь осталась на ужин, приготовленный ею самой, а Ника, устроившись перед телевизором с гладильной доской и утюгом, спрашивала себя, не согласилась бы она хотя бы на один вечер поменяться с Наташей Деменковой? Та, правда, находится под одной крышей с душевнобольной женщиной, но все-таки, это происходит не в однокомнатной квартире, которую в ближайшие годы вряд ли удастся поменять на большую... От невеселых мыслей ее отвлек громкий рев в ванной – сын обнаружил, что один из тритонов умер. Алеша всхлипывал, захлебывался, отказался есть, его с трудом уложили в постель. Ужинали без аппетита. Попутно свекровь воспитывала сына:

– Я тебе говорила, что эти животные вредны для ребенка? Я предупреждала? Ладно, пусть они не разносят инфекций, но от них сырость! А сегодня?! Ты слышал, как он ревел над каким-то дохлым червяком?

– Это был испанский тритон, мама, – сдержанно ответил Олег. – А что ревел, это, по-моему, хорошо. У него доброе сердце.

– Все равно, ему рано знать о смерти! – Галина Сергеевна была неумолима. – Никогда не слышала, чтобы Леша так плакал!

– А мне кажется, лучше, что он о ней узнал, – решила вмешаться Ника, которая в минуты таких споров ощущала себя случайной гостьей, а никак не матерью обсуждаемого чада. – Я вообще не хочу от него что-то скрывать. Это уро-

дует детей, делает их неприспособленными к жизни.

– Ну, конечно, ты же у нас эксперт! – сощурилась Галина Сергеевна. – Читала я твои переводные статейки – как удержать мужа, как завести любовника... Вот только статьи про то, как воспитывать ребенка, мне не попадалось. Может, пропустила?

Ника оставила укол без ответа и опустила глаза в тарелку. Она не умела противостоять свекрови, да и не думала, что открытая вражда была бы нормальна. Та навеки усвоила в общении с нею авторитарный тон, с трудом примирившись с тем, что в жизни почти сорокалетнего сына появилась другая женщина. «Она уйдет и все снова станет хорошо!» – утешала себя Ника. Она снова увидела лицо подруги – оживленное, загорелое, услышала ее громкий уверенный голос и спросила себя: разве не так выглядит человек, которым никто не помыкает? «А ведь она-то чуть не приживалка, будем честны, а я... Вроде бы член семьи. А толку?» Свекровь сменила воинственный тон на миролюбивый, как всегда, когда говорила с сыном. Краем уха Ника слышала, как они планируют предстоящую поездку на дачу, и вдруг почувствовала себя чужой, лишней, нелюбимой.

Вскоре после ухода свекрови в сумке Ники запел телефон. – Это счастье, что я тебя нашла! – раздался в трубке знакомый голос, громкий и неестественно возбужденный. – С кем бы я теперь поговорила?! Просто повеситься можно с тоски!

– Наташа, ты напилась? – Ника прикрыла за собой дверь, войдя на кухню. – На поминках питона, что ли?

– Просто так, – призналась та. – По зову сердца. Честно говоря, я частенько... По вечерам. Здесь такая тяжелая атмосфера... Кажется, что дом вымер, причем давным-давно, как какая-нибудь египетская пирамида. А я, живая, сижу в нем, непонятно зачем, совсем одна.

Разжалобив саму себя, Наталья шумно всхлипнула. Судя по звукам, раздававшимся в трубке, она была вдребезги пьяна. Ника невольно улыбнулась, хотя не было ничего забавного в том, что ее подруга напилась от тоски и одиночества в пустынном загородном особняке.

– Поговори со мной, – попросила Наталья. – Скажи что-нибудь, чтобы мне не было страшно! Все равно, что...

– Тебе страшно? – Ника присела к столу и понизила голос. – Почему? Ты правда, совсем одна в доме?

– Нет, Ксения тут, и кое-кто из прислуги тоже... Михаила Юрьевича нет, Генриха тоже, они вместе уехали в Москву, бросили нас.

– Твоя Ксения тоже напилась?

– Что ты, – Наталья даже как будто слегка протрезвела. – Ей совсем нельзя! Она просто лежит у себя в комнате, смотрит в потолок. Молчит.

В трубке снова послышался всхлип. Нике стало не по себе, на ее лице застыла забытая улыбка. На миг ей самой стало страшно, как будто это она сидела в пустынном чужом

доме, рядом с сумасшедшей женщиной, забывшей собственных детей, только что похоронившей любимого питона. Она содрогнулась, и в тот же миг услышала за стеной детский плач – это сын вспомнил о случившемся несчастье и снова оплакивал тритона.

– У нас тоже умерла зверюшка, – сказала Ника. – Безобидное такое земноводное с оранжевым брюхом. Наташ, а если тебе попробовать заснуть?

– Я себя знаю, ничего не выйдет! – категорично заявила та. – Ник, а приезжай к нам?!

– Ты с ума сошла!

– Почему? В самом деле, приезжай! – воодушевилась Наталья. – Тут несколько комнат для гостей! Я пришлю за тобой машину, пробок сейчас нет! Ну, решайся!

– Я бы приехала, – улыбнулась Ника этой горячности, – но мне как-то не улыбается бросить ребенка на Олега. У нас по утрам такие битвы перед яслями, он его в одиночку не оденет, а ему на работу через весь город... Нет, не могу.

– Ребенок? У тебя ребенок? – воскликнула Наталья. – Что же ты не сказала?

– Как-то не пришлось к слову. Сын, Алешка, третий год пошел.

– Мальчик? – растрогалась подруга. В трубке послышался вздох. – А у меня вот никого нет и наверное, уже не будет...

– Не говори глупостей, тебе же всего тридцать с небольшим! – возмутилась Ника.

– Нет, – грустно ответила та. – Дело даже не в том, что мне негде будет жить, я уже купила квартиру в Подмосковье. Мне очень хорошо платят. Просто... Как я смогу бросить Ксению?

– Ну, ты же не можешь посвятить ей всю жизнь!

– Как знать, – туманно ответила Наталья. – Здесь, в этом доме, время идет совсем незаметно. Пять лет прошли, как пять дней. Все дни похожи... Знаешь, я ведь поняла, как давно живу такой жизнью, только сегодня, когда увидела тебя. Эти пять лет догнали меня и послали в нокаут! Помнишь, в «Снежной королеве» Герда попала в старушке, в саду которой цветы говорили, и потеряла там чувство времени? Так и я... У меня в контракте прямо сказано: в случае замужества или беременности я автоматически буду уволена. Это особое условие, и я под ним подписалась.

– А разве оно соответствует трудовому законодательству?

– Генрих Петрович говорит, что это условие необходимо, иначе я причиню вред пациентке... То есть, Ксении. Он сказал, что это может ухудшить ее положение. Я же ей не враг!

– Ну да, ты ее заложница! – уже в сердцах заметила Ника. – Я тебя не узнаю, ты не была такой ведомой!

– Люди меняются, – не стала спорить подруга. – Я скажу тебе больше – я боюсь даже думать о том, что уволюсь, потому что с Ксенией точно будет сильный припадок. Ты права, будто в плену... Какой-то замкнутый круг! Сегодня, после встречи с тобой, я все думала об этом, потому так и напи-

лась. Пришли похоронные мысли... Ты точно, не приедешь? Тебе бы понравилось! Тут такая природа, рядом лес, озеро... С Ксенией общаться необязательно.

– А в твоём адском контракте не запрещается приводить гостей? – удивилась Ника. – Откуда они знают, что это не повредит больной?

– Есть оговорка: гости должны быть женского пола и без детей! – уточнила Наталья. – Ксения не выносит вида семейных пар, особенно с детьми. Да что там, и собственных детей не выносит, я же говорила. Короче, проблемы тяжелые.

– А знаешь, я приеду, – Ника сделала знак мужу, нетерпеливо приоткрывшему дверь. – Вот распутаюсь немножко с делами на работе. Недельки через две, идет?

Этим обещанием разговор и закончился. Узнав, кто звонил, Олег высказал мнение, что теперь жена может забыть о спокойных вечерах – скучающая в загородной золотой клетке подруга будет регулярно требовать любви и сочувствия.

– Надеюсь, на самом деле ты не собираешься туда на экскурсию? – поинтересовался Олег. В комнате уже горел зеленый ночник. Супруги передвигались почти ощупью, опасаясь что-нибудь задеть и разбудить ребенка.

– Конечно, нет, – шепотом ответила Ника, развязывая пояс халата. – Я пообещала, чтобы ее успокоить.

Именно этого ответа ждал ее муж, а ради сохранения мира в семье Ника не считала вредным иногда покривить душой.

Еще раз она вспомнила о Наталье через полчаса, проваливаясь в глубокий блаженный сон. Та на миг приснилась ей в образе Герды, играющей с говорящими цветами в зачарованном саду, над которым не властно время. В ярком коротком сне не было ничего страшного, но Ника тут же проснулась, словно спасаясь от кошмара. «Эта часть сказки всегда меня пугала, – она слушала дыхание уснувшего мужа. – Не знаю, почему. Цветы рассказывают о мертвых... Старуха останавливает время в своем саду... Мне казалось, именно там Герда была в наибольшей опасности, хотя в сказке только в саду ей ничто вроде бы не угрожало. Но это было слишком похоже на саму смерть!»

Глава 2

Утром тридцать первого августа редакция журнала, в которой Ника работала третий месяц, была поражена школьной лихорадкой. Большая часть сотрудниц отправляла на другой день своих чад за знаниями, а их бездетные коллеги и матери малолетних детей, поддавшись всеобщему возбуждению, тоже утратили интерес к работе. Ника тщетно пыталась работать, спрятавшись в своем уголке за монитором компьютера и парой цветочных горшков, символически отгораживающих ее от общего пространства офиса. Она старалась вдуматься в текст статьи, но сбивал гул голосов. Ника давала себе слово не слушать, но машинально настораживалась, вылавливая из беспорядочного гомона интересную информацию. «Через какие-то четыре года это ждет и меня! – с ужасом думала Ника, возвращаясь к статье. – Алешка вырастет, не заметим! Свекровь права, мы с Олегом сумасшедшие фаталисты! Ребенку нужна будет своя комнатка, а чего стоит хорошая школа?! Послушать только! Как мы выдержим? Справимся ли?!»

Ей на глаза попался забредший в редакцию внештатный сотрудник, иногда писавший социально-психологические очерки. Он выпросил себе соседний с Никой компьютер и теперь копался в архиве, отыскивая старый материал. С Никой они были знакомы шапочно, но она сразу вспомни-

ла его редкое имя, когда он с ней заговорил.

– А у вас нет школьников? – спросил он, поглядывая на соседку.

– Лет через пять один появится, – Ника поправила сползшую на лоб косынку, в этот день оранжевую. Привычку носить косынки она привезла с собой из Питера, переняв ее у старшей сестры, художницы. Олегу эта мода нравилась. Он говорил, что жена в этих косынках поверх длинных русых кос, свободно падавших на спину, напоминает ему комсомолку времен НЭПа. – А знаете, Ярополк, я хочу вас кое о чем спросить...

– Вообще-то, Ярослав, – вежливо поправил тот, и засмеялся, увидев ее смущение. – Ярополк – псевдоним. Мне лично это имя больше нравится, да и моим знакомым девушкам тоже.

Тощий, подвижный, вечно облаченный в бесформенные штаны с накладными карманами и растянутые яркие свитера, собеседник напоминал скорее студента, чем практикующего психолога, занимающегося написанием научно-исследовательских статей. Для полноты образа не хватало лишь сползающих с носа очков, но судя по всему, зрение у Ярослава было в порядке. Впервые Ника обратила на него внимание из-за производимого им хруста – зашедший в редакцию гость грыз громадное зеленое яблоко, а покончив с ним, достал из кармана второе. Яблоко лежало перед ним и сейчас – на этот раз красное, с блестящими боками, еще не над-

кушенное.

– Мне тоже кажется, Ярополк интереснее, – решила она сделать комплимент. – Хорошо подписываться под статьями...

– Ну, у вас тоже все неплохо! – тот продолжал дружелюбно улыбаться. – Эника Елагина – звучит! Это не псевдоним?

– Нет, в моем случае надо благодарить папу. Ему хотелось называть меня Никой, но он считал, что это сокращенная форма, а полное имя Вероника мне не подойдет. Так что придумал собственное, эксклюзивное. Спасибо, Земляницей не назвал!

– Наверное, назвал бы, если бы вы жили в Америке! – подхватил шутку Ярослав. – Там запросто называют детей Яблоками, например!

– А он и живет сейчас в Чикаго, – Ника снова отвернулась к монитору. – Знаете, меня поражает ваша любовь к яблокам.

– Приятно, что ты кому-то небезразличен! – засмеялся веселый сосед. – А можно перейти на «ты»?

Нике начинало казаться, что этот парень очень подходит для доверительного разговора, который ей жгуче хотелось начать.

– Я тебя, как психолога, хотела спросить вот о чем, – Ника сделала знак подвинуться ближе, и заинтригованный Ярослав подъехал к ней в кресле на колесиках. – Представь себе ситуацию. Богатый загородный дом, с прислугой и охра-

ной. В этом доме уже пять лет безвыходно живет женщина лет тридцати. Ее там держит муж, потому что не хочет отправлять жену в больницу. Он пытается скрыть ее состояние даже от близких подруг, и не пускает их общаться с женой. Все думают, что она живет в Испании. Он оплачивает личного психиатра, купил ей в домашнее рабство компаньонку. С этой женщиной пять лет назад что-то случилось, что – даже компаньонка не знает. Эта женщина не выносит вида детей, даже собственных, те живут за границей. Все, что касается замужества, беременности может нанести ей травму. Что ты можешь сказать об этом?

Лицо Ярослава становилось все более серьезным по мере того, как она рассказывала, взгляд – цепким и внимательным. Он поинтересовался, идет ли речь о реальном лице?

– Если это так, ясно, что женщина стала жертвой своего мужа и этого мудрого личного психиатра!

Удрученная Ника не ответила. Он нахмурился:

– Ты сейчас рассказала о настоящем кошмаре! Муж, наверное, боится неприятной огласки, вот и предпочитает бороться с ее болезнью домашними средствами. А этот психиатр для них там царь и бог, и конечно, он не собирается упускать дойную корову! Женщина больна, а они держат ее взаперти, в изоляции, как прокаженную! Даже самый богатый муж не может создать на дому настоящую больницу, обеспечить все процедуры, всю терапию... Ты можешь связаться с этой женщиной?

– Наверное, – вконец растерялась та. – Через подругу... Моя подруга и есть ее компаньонка... Неужели все так серьезно? Она говорит, что муж ее хозяйки готов луну с неба достать для жены...

– Он может быть благороднейшим человеком, но он не врач! – отрезал Ярослав. – И этот психиатр ведет себя вразрез с врачебным кодексом. Хотел бы я с ним увидеться!

– У тебя такой вид, будто ты готов набить ему морду, – заметила Ника. – Не кричи, на нас уже смотрят! Как знать, может, ты с ними увидишься. Эта история не давала мне спать, и я решила посоветоваться со специалистом. Есть над чем подумать. Знаешь, у меня ведь была когда-то мечта – заниматься журналистскими расследованиями, а не этим... – она грустно кивнула на монитор, где мерцал текст переводной статьи. – Конечно, если получится статья, то не для нашего журнала.

– А я никогда не стану настоящим журналистом, – ее собеседник схватил, наконец, яблоко и с нервным хрустом надкусил его. – Для тебя это материал для статьи, а для меня – врачебное преступление. Как увидеть эту женщину?

Ника задумалась:

– Я могу это сделать, меня туда пригласили, а с тобой ничего не получится, туда пускают только гостей женского пола, причем строго без детей.

– Час от часу не легче! И твоя подруга считает, что там все в порядке?

– Представь, да. Возможно, надо все увидеть своими глазами. . . Вот я и увижу! – окончательно решила Ника. – Напрошусь в гости!

– Возьми мой фотоаппарат! – Ярослав выудил из кармана серебристый чехольчик размером с телефон. – Цифровой, умеешь пользоваться? Там камера есть. Карты памяти достаточно, чтобы снять целый сериал.

– Разберусь, – она спрятала его в сумку. – А что именно снять?

– Все, особенно всех. Кого только удастся, – глаза у парня азартно горели, он резко жестикулировал надкусанным яблоком: – Ее саму, психиатра, ее мужа, всех!

– А если они будут против? Им не понравится, что их снимают, ведь предполагается, что хозяйка пятый год проживает в Испании.

– Делай это по возможности незаметно, – Ярослав развел руками и уронил яблоко. Оно со стуком покатилося по полу, вызвав оживление в офисе. Теперь на них действительно, смотрели все. Ника с улыбкой встала из-за стола, настигла беглое яблоко у каблука начальницы и с той же улыбкой бросила его в корзину для мусора. Ярослава попросили освободить кресло, и Ника вышла проводить его в коридор.

– На нас будут смотреть, как на потенциальных любовников, вот увидишь! – предупредила она нового приятеля. – Без дела не заходи, захочешь со мной поговорить, звони, я выйду.

Они обменялись телефонами, тот дал и домашний, предупредив, что звонить можно даже ночью.

– Я живу один!

И заметно посерьезневший после разговора психолог удалился. Ника еще раз взглянула на его визитки – их было две. «Ярополк Лузевич, член Союза журналистов» – лаконично сообщала одна, напечатанная на матово-белом картоне. «Ярослав Игоревич Лузевич, психотерапевт, кандидат медицинских наук» – с достоинством представлялись серебряные буквы на зеленоватой тисненой карточке. «Ярослав Игоревич! Прямо Рюрикович!» – усмехнулась она, пряча визитки в карман джинсов.

Едва Ника вернулась в офис, и сумела вдуматься в текст переводной статьи, ей позвонили с незнакомого номера. «Ярослав соскучился?» Ника нажала на кнопку отзыва, ожидая услышать его голос, но заговорила женщина.

– Извините, меня попросила позвонить ваша подруга, Наташа, – сказала незнакомка. – Она сама сейчас говорить не может.

– А что случилось? – испугалась Ника. Она вскочила и вновь вышла в коридор. – Что с ней?

– С ней порядок, только подойти она не может, – голос звонившей звучал скорее устало, чем тревожно. – Очень просит вас приехать, мы пришлем машину с шофером. Только скажите точно, куда.

– Прямо сейчас? – Ника взглянула на часы. – Я на работе.

– Наташа очень просит, – настойчиво повторила та и замывшись, прибавила: – И я тоже. Извините, не представилась. Меня зовут Ольга, я здесь работаю горничной. Кажется, вы в курсе наших дел...

Она произнесла это осторожно, как человек, привыкший взвешивать свои слова. Ника так же уклончиво согласилась:

– Немного. Так что случилось? Зачем я нужна?

– Понимаете, мы с Наташей думаем, что хозяйку нужно отвлечь, – теперь женщина явно волновалась, хотя и пыталась это скрыть. – Этот питон, надо же... Она все время говорит о нем, плачет, нервничает больше обычного... Если бы вы приехали, она бы переключилась и взяла себя в руки. Наташа говорит, вы идеально подойдете.

– Это лестно, конечно, – обиделась Ника, в этот миг забывшая о том, что ее целью как раз и был визит к загадочной затворнице. Ее уязвила мысль, что она будет использована в качестве отвлекающей игрушки для богатой дамы. – Но может, лучше позвать ее врача?

– Ни Генриха Петровича, ни Михаила Юрьевича сейчас нет. Вы нам очень бы помогли!

Ника уже взяла себя в руки. В сумке лежал фотоаппарат. Мужа больной женщины и ее психиатра – главных врагов, как полагала Ника – дома не было. Ее должность не была жестко связана с определенными часами.

– Хорошо, пришлите машину, – согласилась она, выждав для приличия полминуты и выразительно вздохнув. – Это

далеко от Москвы?

– Ну что вы, вас быстро довезут! – обрадовалась горничная. Ее голос помолодел и зазвенел. – Будний день, завтра праздник, все едут в Москву, а не за город! Диктуйте адрес!

За рулем черного «ниссана» сидел худой мужчина лет пятидесяти с серым, изрезанным глубокими морщинами лицом. Он едва взглянул на подошедшую Нику, и скупно подтвердил, что это он за ней и приехал. Она села сзади и сразу отказалась от мысли что-то выведать у этого человека – к доверительной беседе тот не располагал. Около часа, пока машина томилась в московских пробках, Ника молча страдала под звуки радио и нервный рев клаксона – шофер постоянно маневрировал, пытаясь быстрее вырваться из города. Однако, стоило им оказаться на МКАД, пытка кончилась и «ниссан» бешено полетел по полупустой трассе. Ника видела, что скорость иногда переваливает за сто двадцать километров в час. Вскоре они свернули с кольцевой дороги, миновали окраину подмосковного города, несколько кирпичных поселков, растянувшихся по берегу реки, и остались на дороге, сузившейся до единственной полосы, совсем одни. Машина сбавила ход, и Ника могла вдоволь полюбоваться мелькающим по обе стороны строевым сосновым лесом, не оскверненным ни единой постройкой. Еще одна маленькая речка, мостик с белыми бетонными перилами, поворот – они медленно подъехали к решетчатым высоким воротам, ведущим, казалось, прямо в лес. За воротами виднелась кир-

пичная сторожка. Из нее вышел охранник в черно-сером камуфляже, махнул рукой и ворота разъехались, впуская машину. Через минуту Ника вышла и жадно вдохнула густой сосновый воздух, опьянивший ее. На миг ей показалось, что она очнулась от тяжелого, сумбурного сна – сна о работе, уличных пробках, городском шуме и смоге. Здесь было оглушительно тихо, только сосны ровно шумели в вышине – день выдался ветреный.

– Пробки в центре, да? – из сторожки появилась маленькая коренастая женщина лет сорока, одетая в джинсы и широкую черную майку. – Уже полчаса караулю. Это я говорила с вами, я – Ольга. Идемте скорее, Наташа ждет.

И повела ее к дому, который виднелся за соснами чуть поодаль. Подходя ближе, Ника различала детали. Это оказался самый обыкновенный, типовой кирпичный особняк в два этажа с мансардой и большим балконом. Его архитектура явно не преследовала цели кого-то удивить, в сущности, дом представлял собой красную кирпичную коробку. Он казался громоздким, и приедался со второго взгляда, так же, как окружившие его зеленые газоны, казавшиеся пластиковыми, и фонари на чугунных столбах.

– Мы с Наташей одни, кухарка сегодня выходная, кроме нас только Ринат, он вас привез, и охранник. – Ольга вела гостью к дому. – Ситуация аховая. Обычно Ксения Константиновна быстро успокаивается, но сегодня таблетки не помогают. До Генриха Петровича дозвониться не можем, а Миха-

ил Юрьевич по-моему, не понял, в чем дело. Мы позвонили, сказали, что она очень волнуется, все время плачет, а он посоветовал чем-нибудь ее развлечь. Сказал, что может вообще не приехать ночевать. Вот так... Если бы не вы!

– А вызвать другого врача не пробовали? – поинтересовалась Ника, хотя приблизительно знала, каков будет ответ.

– Другого нельзя, это надо согласовать.

– С психиатром или с мужем?

– С обоими, – Ольга цепко окинула ее взглядом. – А как вы думаете, разве можно иначе?

– Ну, в том случае, если ваш Генрих Петрович недоступен, можно и нужно вызвать другого специалиста!

Ольга только пожала полными плечами, поднимаясь на веранду, украшенную вазонами с лимонными деревьями. Оттуда они попали в гостиную на первом этаже – полупустую комнату, декорированную дубовыми темными панелями и охотничьими трофеями. Над огромным камином, выложенным диким красным камнем, красовалась громадная, ему под стать, кабанья голова с торчащими клыками, на полу лежала медвежья шкура, опять же с головой, в углу с неприкаянным видом стоял целый олень. Ника содрогнулась, увидев сборище чучел, а Ольга, заметив это, усмехнулась:

– Планировалось что-то вроде охотничьей комнаты, но Михаил Юрьевич передумал, не доделал.

– Он охотится?

– Да что вы! – отмахнулась та. – Ему дизайнер навязывал,

он согласился. А когда стали делать, разонравилось... Идемте, нам на самый верх!

Она указала на чугунную винтовую лестницу в углу. Поднимаясь вслед за горничной по гулким узким ступеням, Ника думала о том, что подобная гостиная – отнюдь не лучшее место для женщины, страдающей душевным расстройством. Такая комната могла испортить настроение даже здоровому жизнерадостному человеку. Впрочем, помещение на втором этаже, куда они попали, тоже нельзя было назвать уютным. Голые белые стены смотрели холодно и неприветливо, большие окна были закрыты жалюзи – это придавало комнате казенно больничный вид. В углу виднелся домашний кинотеатр, рядом – несколько кресел, передвижной бар и пара столиков. Вся мебель казалась попавшей сюда по ошибке, и Ника снова поежилась. Дом не нравился ей все больше, она уже не могла этого скрывать.

– Удивляетесь здешней обстановке? – от Ольги не укрылось выражение ее лица. – Хозяевам все равно. Михаил Юрьевич занят, вряд ли замечает, что ест, на чем сидит или спит. Весь в работе. Ну, а Ксения Константиновна... – горничная вздохнула, начиная подниматься по лестнице еще выше, в мансардный этаж. – Ей тоже все равно.

– Когда был построен дом? – поинтересовалась Ника. У нее на языке вертелся вопрос: «До того, как хозяйка заболела или после? Когда ей стало все равно, в каком доме она живет?» Ольга удивленно взглянула на нее:

– Точно не скажу. Во всяком случае, до того, как я сюда поступила, я тут дольше всех служу, седьмой год... Мы пришли. Всю мансарду занимает хозяйка.

Они оказались в просторном холле, имевшем, в отличие от предыдущих помещений, обжитой и даже уютный вид. Наклонные стены персикового цвета были прорезаны узкими одностворчатыми окнами, сквозь которые в комнату щедро падал свет. Его яркие прямоугольники лежали на блестящем паркете, будто желтые коврики. На одном из таких «ковриков» нежилась, играя сама с собой, полосатая серая кошка. Завидев гостей, она прекратила кататься по горячему полу и приподняв мордочку, вопросительно мяукнула. Ольга засмеялась:

– Хозяйка любит животных.

– А хозяин? – Ника продолжала оглядываться. Она заметила в стене напротив две светлые сосновые двери. Обе были закрыты.

– Михаил Юрьевич вряд ли замечает, что тут живут кошки.

Ольга подошла к левой двери и легонько постучала. Оттуда донесся голос Натальи:

– Приехала?

Дверь распахнулась, и Нику заключили в крепкие дружеские объятия. Она успела ощутить отчетливый запах коньяка, а когда подруга отстранилась, сомнений не осталось – Наталья была порядочно навеселе. Ее веки припухли и покрас-

нели, лицо слегка отекло, а голос звучал сдавленно и хрипловато.

– Я боялась, ты обманешь! – она схватила Нику за руку и втащила в комнату. – Оля, спасибо!

– Тебе спасибо! – загадочно ответила та и удалилась. Наталья прикрыла дверь и судорожно заметалась по комнате, пытаясь навести порядок – как видно, мысль об этом пришла ей в голову только сейчас. Ника удивленно оглядывалась. В этой большой, светлой, обставленной дорогой мебелью комнате несомненно, жила ее подруга – все носило отпечаток ее личности. Широкая кровать с неубранным постельным бельем, на столе перед открытым окном – поднос с остатками завтрака, куча косметики перед огромным, уходящим в потолок трюмо, и разбросанные книги везде, куда падал глаз. Примерно такой же беспорядок царил и на ее половине комнаты в общежитии, где они прожили вместе почти пять лет. Наталья была не то, что врагом порядка – скорее, она просто не имела о нем понятия, и лишь инстинктивно понимала, что делает все не так.

– Не суетись, – Ника присела в пышное кожаное кресло небесно-голубого цвета. Кресло еле слышно вздохнуло. – Где твоя хозяйка?

– У себя, за другой дверью. – Наталья бросила в раздвинутые двери шкафа охапку смятой одежды. – Не смотри на меня так, я не пьяница. Просто пыталась забыться. Была горячая ночка!

– И вся эта трагедия из-за питона?

– Да какое там! – отмахнулась та и подойдя к столу, налила себе остывшего кофе. – Сперва-то да, а потом... Помнишь, как нас учили на истории – убийство эрцгерцога Фердинанда было только поводом для начала Первой мировой войны, а не ее причиной. Не Фердинанд, так любой другой сгодился бы. Так и тут...

– И ты думаешь, я смогу ее привести в себя?

– Нет! – категорично ответила подруга. – Это уже пять лет никому не удается. Но она сразу возьмет себя в руки перед чужим человеком. Она стесняется, понимает, что больна.

– Что ты ей обо мне сказала?

– Правду. Что встретила на рынке институтскую подругу, что ты славная, общительная, с тобой интересно. Не выпьешь для храбрости?

Ника отказалась. Наталья, пожав плечами, плеснула в кофе дозу ликера. Опустошив чашку и облизав губы, она повела подругу знакомиться с хозяйкой большого уютного дома, спрятавшегося среди вековых сосен. Наталья не постучалась в соседнюю дверь, а просто нажала на ручку:

– Приехала Ника!

– Заходите! – раздался в ответ негромкий мелодичный голос. В следующий миг, переступив порог комнаты, Ника увидела Ксению.

– Рада познакомиться, – продолжала хозяйка особняка, протягивая руку, не вставая с кресла. – Ко мне редко приез-

жают гости, мы живем в такой глуши! Присаживайтесь. Наташа сказала, что вы журналистка, это правда?

Ника осторожно пожалала холодные тонкие пальцы хозяйки и уселась в соседнее кресло. Она была сбита с толку и не понимала, как себя вести. Ксения выглядела абсолютно нормальным человеком. Ее милостивое тонкое лицо было слегка подкрашено, светлые волосы аккуратными прядями падали на открытые загорелые плечи. Ксения была одета в свободную белую блузу, оттенявшую загар, короткие брюки горчичного цвета, мягкие кожаные «лодочки» без каблучков. На шее у нее красовалось жемчужное кольцо, на запястье – дорогие, но строгие часы. Она выглядела как женщина, привыкшая к большим деньгам и не видящая удовольствия в том, чтобы их демонстрировать. Комната, где она принимала гостью, была похожа на нее саму – светлая, аккуратная, безукоризненно выдержанная в едином стиле. Гладкие зеленоватые стены, простые белые занавески, сияющий паркет соломенного оттенка, полированная сосновая мебель. Одну стену целиком, от пола до потолка, занимал громадный аквариум. Он сразу приковал взгляд Ники. Населявшие его рыбы – диковинные яркие красавицы и смешные чудища – казались инопланетянами, с холодным любопытством созерцавшими трех женщин.

– Вы любите рыб? – поинтересовалась Ксения.

– Я к ним спокойно отношусь, а вот мой муж... – начала было Ника, но осеклась. Сюда нельзя было приходиться посто-

ронным мужчинам, так может, и упоминать о них не стоило? Однако Ксения только доброжелательно улыбалась. В этой привлекательной, спокойной, воспитанной женщине не было ничего безумного! Ника всегда полагала, что сумасшедших можно узнать по глазам, но светло-синие, широко расставленные глаза хозяйки особняка не давали никаких оснований для подозрений. Они были чуть усталыми, печальными, в них читался интерес к новому человеку, легкая настроенность – и только.

– Ваш муж увлекается аквариумистикой? – любезно поинтересовалась она. – Ника, не желаете чаю, кофе? Может, коктейль? Наташа у нас специалист по коктейлям.

– Да, я тут от скуки накупила кучу руководств и потихоньку научилась, – кивнула Наталья. – Времени много, материала – залейся... Значит, тебе, Ксения, яблочный сок, мне «Голубые Гавайи»... А тебе, Ник, я сделаю совсем легонький! Соглашайся!

Ника кивнула и подруга исчезла за дверью, напевая. Как только та закрыла дверь, Ксения резко повернулась к гостье, ее глаза сощурились, взгляд стал оценивающим. У Ники что-то сжалось внутри – сидящая напротив женщина стала совсем другой, усыпленная бдительность забила тревогу. «Она нарочно прикидывается спокойной, все сумасшедшие такие! А я позволила Наташке уйти!»

– Зачем вы приехали?

Вопрос прозвучал отрывисто и насмешливо, и Ника по-

чувствовала, как ее сердце сделало несколько лишних ударов. Надо было отвечать, а у нее перехватило горло. Ксения усмехнулась, и эта кривая усмешка ей не шла.

– Любопытно посмотреть на сумасшедшую? – так же резко, отрывисто продолжала она. – Вам ЭТО про меня сказали?

«Говори немедленно!» – приказала себе Ника и с трудом разомкнула пересохшие губы:

– Нет! Совсем нет!

– Как нет? Вы журналистка, подруга сказала вам, что слухит у богатой сумасшедшей дамы, вы и заинтересовались. Неужели Наташа не сказала, что у меня не все дома?

– Она не...

– Не врите, у вас не получается! – оборвала Ксения. – Так она и сказала, и еще много чего прибавила.

На этот раз Ника сочла за лучшее промолчать. Она не ожидала оказаться в таком дурацком положении, и не видела способов из него выпутаться. Ксения продолжала недобро улыбаться, но ее глаза из жестких сделались печальными.

– Я на вас не обижаюсь, это понятное любопытство, – сказала она, наконец, насладившись смущением гостьи. – Да еще при вашей профессии... Я в самом деле, нездорова, ну а в какой степени, Наташа, разумеется, знать не может. Возможно, я сама этого не знаю! – туманно добавила она. – Я на вас набросилась, потому что вы уж очень заметно меня

изучали. Неприятно чувствовать себя рыбой в аквариуме! Все на тебя смотрят, а деться некуда. Так зачем вы все-таки приехали?

– Наташа сказала, что вы очень расстроены из-за питона, – осторожно призналась Ника. – Что вас надо отвлечь.

– И вы согласились выступить в роли новой игрушки? – покачала головой Ксения. – Вам это приятно?

– Она очень просила.

– Так вы приехали из жалости ко мне, из чувства дружбы, или все-таки из любопытства?

– Да пожалуй, тут было всего понемногу! – откровенно призналась Ника, и напряжение внезапно спало. Женщины, не сговариваясь, улыбнулись. Ксения откинулась на спинку кресла и глубоко вздохнула:

– Ну, все к лучшему! Признаюсь, я рада, что вы приехали, хотелось просто расставить точки над «и». Не смотрите на меня, как на доктора Джекила, ради бога! В мистера Хайда я не превращаюсь, людей не кусаю, и вниз головой под потолком не висну. Статью из меня не сделаете?

Ника прижала ладони к груди, и хозяйка приняла эту немую клятву:

– Ну, буду считать, что у меня появился новый друг. А насчет питона Наташа, конечно, права – я вчера была не в себе... Привязываешься к ним больше, чем к людям. Животные лучше людей, как вы считаете, Ника?

– Может, некоторые, – согласилась та. – Все на свете от-

носительно.

Ксения хотела ответить, но тут дверь распахнулась, и появилась Наталья, осторожно несущая поднос с тремя бокалами. Хозяйке достался зеленый яблочный сок, подруги взяли по коктейлю.

– За знакомство! – предложила Наталья, и все чокнулись. – У меня есть план – оставить Нику на ужин!

– Я не могу! – запротестовала было та, но Ксения внезапно, привстав, положила руку ей на плечо. Она склонилась над Никой, та ощутила слабый запах ее духов.

– Мы ужинаем рано, в восемь, – просительно произнесла она. – А перед ужином можно погулять по лесу. Оставайтесь!

Наталья послала подруге многозначительный взгляд, в котором читалась та же просьба. Ника сдалась:

– Я с удовольствием. Место у вас тут дивное! – она едва не прибавила, что здорово было бы гулять здесь с ребенком, но вовремя остановилась. – Я только предупрежу мужа.

Она вышла в холл, чтобы позвонить, и плотно прикрыла за собой дверь. Олег, услышав голос жены, заморочено ответил, что у него куча работы, но узнав причину ее звонка, взвился на дыбы:

– Ты будешь развлекаться за городом, а я должен один возиться с Алешкой?! Ты в своем уме, нет?!

– Я объясню...

Олег, не ответив, отключился. Ника, поморщившись, спрятала телефон в карман. Первым побуждением было объ-

ясниться с Ксенией, отказаться от приглашения на ужин, уехать домой. «В самом деле, что я тут делаю? – пыталась она урезонить себя. – Я не собираюсь писать никакой статьи. Фотографии можно сделать хоть сейчас. Ксения не откажется, наверное. Меня ждут двое мужчин, одному из которых недавно исполнилось два года. Я давно не вольная студентка, которая отвечает только за саму себя, с грехом пополам!» Но доводы разума не действовали.

Она вернулась к двери, нажала ручку... Дверь не поддавалась. Ника удивленно нахмурилась, повторила попытку, и убедилась, что дверь заперта изнутри. Она собиралась постучать, решив, что сама случайно захлопнула дверь, но слышался шум внутри, и она прислушалась. Наталья горячо и быстро говорила, так что слов было не разобрать. Ее речь перемежалась короткими всхлипываниями и вскриками – это был голос Ксении, сдавленный, искаженный, дрожащий. Вдруг голоса смолкли, дверь резко открылась вовнутрь, так что Ника отшатнулась. Наталья быстро вышла и закрыла дверь. Разглядеть ничего не удалось.

– Не стой столбом, идем! – она утащила подругу к себе в комнату, и заперлась изнутри на ключ. – Не помогло!

– Что случилось? Припадок?

– Да! – прорычала Наталья. – Вот тебе и ужин, вот и прогулка по парку! До Генриха не дозвониться! За что ему такие деньги платят!

– Послушай, – Ника сжала пальцы в кулаки, заметив, что

они начали дрожать. – Ей нужна помощь, срочно! Как это выглядит?

– Иди, посмотри! С меня хватит!

– Я сейчас же вызову «скорую»! У нее есть страховой полис? Ты знаешь, где он?

Ксения смерила ее уничижительным взглядом:

– Ты сюда приехала, чтобы научить нас, как себя с ней вести? Ей не нужна «скорая». А полис... При таких деньгах ей не нужен даже паспорт! Не давай советов богатым людям, вот что я тебе скажу, моя милая!

– Но как-то же она успокаивается? – не сдавалась Ника. – Или богатые люди, по твоей теории, делают это как-то по-своему?

– Ей помогают таблетки или уколы, или сеанс с Генрихом, или все вместе, или... Вообще ничего! – Наталья устало опустилась в кресло и прикрыла глаза. – Вот за такие дни мне и платят деньги!

– Но почему это с ней вдруг случилось? Только что все было хорошо! Я просто поверить не могла, что с ней что-то не в порядке! Нормальнейшая с виду женщина!

– С виду... – пробормотала Наталья, чуть приподняв оптяжелевшие веки. – Это с ней всегда случается внезапно. Думаешь, я за пять лет не пробовала вычислить, отчего она вдруг впадает в эти состояния? Думала, может, о чем-то нельзя говорить, чего-то нельзя делать... Все напрасно, нет никакой закономерности. Я иногда злюсь на нее ужасно, начинаю ду-

мать, что она просто избалованная богатая истеричка, которой нравится нас всех мучить... Но это не так!

Наталья глубоко вздохнула.

– Езжай домой, – сказала она, растирая ладонями отекавшее лицо. – А я пойду к ней. Попыток самоубийства никогда не было, но я все равно не хочу оставлять ее одну. Найдешь дорогу или позвать Олю?

Ника хотела отказаться от помощи провожатой, но тут же остановилась. Ольга служила здесь дольше всех. Что бы ни случилось с хозяйкой, это случилось при ней.

– Позови ее!

Подруги расцеловались на прощанье, и Наташа крепко стиснула гостью в объятьях:

– Не сердись! Я хотела как лучше, и думала, что получится... Она так хорошо держалась при тебе! А как только ты вышла, сразу затряслась, стала задыхаться, ну и... Я позволю тебе, когда буду посвободнее. Прости...

Вошедшей горничной хватило одного взгляда, чтобы понять – затея с отвлекающим маневром провалилась. Спускаясь по лестнице перед Никой, она обернулась и сказала, что ничего иного и не ждала.

– Это у Ксении Константиновны никакому контролю не поддается, иначе ее давно бы уж вылечили. Ну, попробовать-то стоило... Жаль, что не вышло, и вас отвлекли.

– Скажите, Ольга, вы помните время, когда этих припадков с вашей хозяйкой не было? – спросила Ника, когда они

оказались на первом этаже, в охотничьей гостиной. Горничная остановилась, и плотно прикрыла открытую дверь на веранду.

– Ведь вы работали здесь до того, как это случилось?

Ольга, не отвечая, смотрела на нее, будто ожидая продолжения, и вместе с ней смотрели на Нику бывшие кабан, олень и медведь. Их стеклянные тусклые глаза не выражали ровно ничего, так же, как слегка сощуренные глаза горничной.

– А что с ней, все-таки, случилось? – не выдержала Ника.

Ольга, будто проснувшись, вздрогнула и расширила глаза.

– Не знаю! – просто ответила она. – Никто из прислуги не знает. Даже Наташа, а она-то для хозяйки как подруга.

– Но вы работаете здесь семь лет!

– И что? – невозмутимо возразила та. – Семь лет назад в этом доме никто не жил, он был обставлен так, как видите – с бору по сосенке. Я просто приглядывала за ним, прибиралась. Тут был еще сторож, вот и вся прислуга. А потом отделали мансарду, привезли мебель, вещи... И саму Ксению Константиновну. Она уже была такая, как сейчас. Другой я ее не знала.

– Это было пять лет назад?

– Где-то так, – Ольга снова открыла дверь. – Вы извините, у меня дела. Найдете дорогу к воротам? Рината уже предупредили, он отвезет вас, куда скажете.

И горничная безмолвно исчезла за дверью. Когда Ника вышла на веранду, там уже никого не было. Женщина спу-

стилась с крыльца, отошла от дома и остановившись, оглядела его на прощанье. Угрюмый, настороженный, немой, он ответил ей непроницаемым взглядом чисто вымытых темных окон. Даже когда Ника отвернулась и пошла к воротам, она чувствовала этот взгляд спиной. Она села в поджидавшую машину, решетчатые ворота раздвинулись, освобождая путь, по бокам дороги замелькали стройные красные сосны, а женщина все еще ощущала неприятный холодок между лопатками.

Глава 3

– И что?

– Да ничего! – она понизила голос, хотя Олег вряд ли мог расслышать то, что говорилось в закрытой ванной комнате под шум льющейся воды. Ника бросила в ванну горсть ароматической соли, в воздухе запахло лавандой. Она уселась на бортике поудобнее и прижала телефон плотнее к уху. – Я никого не сфотографировала, ничего не узнала, и честно говоря, ничего толком не поняла. Ясно одно – они не пустят к ней постороннего врача. Даже обсуждать этого не хотят. До ее личного врача дозвониться не могли, но скорее злились, чем паниковали.

– Какие таблетки ей дают? – взволнованно спросил Ярослав.

– Не спросила.

– Надо узнать. Ты говоришь, не заметила никаких странностей в поведении?

– Все бы так себя вели!

– И самого припадка не видела, знаешь только со слов подруги, что случилось?

– Да, к сожалению... А может, к счастью.

– У тебя есть шанс попасть туда еще разок?

Ника задумалась, поболтала рукой воду в ванне.

– Наверное, да. Я понравилась Ксении, а она, как ни

странно, понравилась мне. Я так хотела у нее остаться подольше, что даже с мужем поссорилась! Мы до сих пор не разговариваем.

Вернувшись домой раньше обещанного, Ника сухо дала понять мужу, что изменила планы ему в угоду. Это было мстью за его вспышку несправедливого гнева по телефону. Она подчеркнуто внимательно занялась ребенком, накормила, выкупала его, после чего заявила, что сама нуждается в ванне. Заперевшись, Ника набрала номер Ярослава и дала ему полный отчет о поездке. Сама она считала, что съездила неудачно, но он ее разубедил.

– Ты познакомилась, понравилась, теперь не потеряй контакта! Я считаю, сегодня ты слишком легко сдалась. Можно было остаться!

– Я растерялась, – призналась Ника. – В другой раз не оплошаю. Ярослав, а что мы будем делать, когда выясним, что этот психиатр ее попросту эксплуатирует и калечит? Поднимем шум?

– Еще какой! У меня есть связи на телевидении. Нужны только факты... Может, твоя подруга что-то не так поняла насчет врачебного наблюдения, и все под контролем, Генрих только курирует пациентку на дому...

– За пять лет у нее была возможность все понять! – возразила Ника. – Ярослав, прости, я уже на ногах не стою.

Попрощавшись и пообещав форсировать ситуацию, она забралась в ванну. Вытянувшись в теплой душистой воде,

расслабленно закрыла глаза. Прошедший день казался невероятно длинным, из него легко можно было сделать два обычных. Он распался на две части – привычную, московскую, и подмосковную, где все было тайной, заманчивой и пугающей. «Но разве я испугалась? – удивилась она слову, случайно пришедшему на ум. – Нет! Разве что под конец, когда уходила... Хотя, как раз тогда пугаться было некого. Просто все в целом действовало... И эти чучела зверей внизу! Среди них себя ощущаешь жертвой таксидермиста!»

«Кто ее муж? Пожалуй, это важнее всего, и Ярослав со мной согласен. Чем он занимается? Горничная говорит, работоголик, не обращает внимания на быт. Таких легче легкого обвести вокруг пальца всяким проходимцам. Этот психиатр предложил снять с его плеч все заботы о больной жене, замаскировав от окружающих ее состояние... И муж с радостью согласился! Уверена, он считает, что ему крупно повезло, и ни за что не согласится ссориться с психиатром. А тот, конечно, поставил условие, что других врачей к больной не допустят».

Ника ушла под воду с головой и полежала так некоторое время, слушая глухой шум в ушах.

«Чем больше думаю обо всем этом, тем ужаснее все кажется. Замкнутый круг. А как его прорвать? Наташа любит эту несчастную женщину, она добрая, решительная, трусостью в жизни не страдала, но и она стоит на том, что другие врачи не нужны! Вопрос номер два: кто таков на самом де-

ле этот роковой Генрих? Лучше свести его с Ярославом, он разберется, с кем имеет дело!»

Ника вынырнула, торопливо вымыла голову и встала под душ. Домашние дела требовали ее участия, но весь вечер, стирая белье, стоя у раковины, у плиты, она думала о женщине, спрятанной от мира в загородном особняке, среди вековых сосен. Она видела, как сгущаются сумерки вокруг неприветливого красного дома, зажигаются окна в мансарде, слышала, как ровно шумят деревья, окружившие дом. Зажглись фонари на чугунных столбах, и на веранду с бокалом коктейля вышла высокая светловолосая женщина, уже нетвердо стоящая на ногах. Свет фонаря упал сверху на грубоватое лицо Натальи, и это видение было таким необъяснимо четким, что Ника застыла с ложкой в руке, забыв попробовать сваренный суп.

– Так и будешь дуться? – донесся до нее голос мужа, будто издалека. – Я спрашиваю, будешь играть в молчанку? Из-за чепухи!

– Для меня это было работой, – сдержанно ответила она. – Если будешь смотреть телевизор, сделай потише, я ложусь спать.

Она быстро улеглась в постель, и лежа в темноте, слабо разбавленной светом ночника, снова попыталась представить особняк среди сосен. Теперь она не видела на веранде женской фигуры, все фонари, кроме одного, погасли, окна в мансарде были темны. Усиливался ветер, сосны шумели.

ли мощно и ровно, послышались первые шлепки крупных капель по вымощенной дорожке – начинался дождь. Здесь, в Москве, за окном ее комнаты стояла тихая ясная ночь, но за городом – Ника была уверена – уже всю шел дождь. Ее вдруг потянуло туда, потянуло с такой силой, будто здесь ее ничто не удерживало, будто здесь не было ничего дорогого, ничего своего. Это чувство было настолько сильным и пугающим, что она вскочила и босиком подошла к кровати, где спал сын. Алеша дышал спокойно и ровно, с забавной важностью оттопырив нижнюю губу и слегка хмурясь во сне. Ника склонилась, осторожно поправила одеяло, и на цыпочках вернулась в постель. С кухни доносились приглушенные звуки телевизора – муж смотрел футбол. Она впервые легла спать, не пожелав мужу спокойной ночи, и это вовсе ее не мучило, не тревожило. «Неужели я изменилась? – спросила она себя, проваливаясь в сон. – Можно измениться за день?»

Ника уснула, не ответив себе на этот вопрос, и уже не слышала, как в комнату вошел муж. Он остановился у постели и некоторое время стоял над изголовьем, вглядываясь в лицо спящей жены. Только что, ища у нее в сумке таблетки от головной боли (Ника всегда носила их с собой), он наткнулся на цифровой фотоаппарат. находка насторожила и озадачила его – жена никогда не фотографировала сама, при ее офисной работе это было лишним. Ника никогда не мечтала заниматься журналистскими расследованиями. Он всегда знал, во сколько она вернется домой. Жена была предска-

ема, надежна, проста, как и вся их жизнь, налаженная методом взаимных уступок. Эта жизнь совершенно устраивала Олега, и как он думал до сегодняшнего дня, Нику тоже... И вдруг – ее внезапный бунт, беспочвенный, вздорный...

– Ты всерьез решила поссориться? – тихо спросил он, склоняясь над спящей женой.

Ответа не было.

* * *

Свет единственного зажженного фонаря не достигал веранды, окна охотничьей гостиной были темны, и женщина в мокром дождевике, избежавшая на крыльцо, резко вскрикнула, чуть не столкнувшись с высокой фигурой, преградившей ей путь.

– А-а-ах! – она отшатнулась и едва не упала со ступенек.

– Тише! – женским голосом шикнула напугавшая ее фигура. – Ксению разбудишь.

– Это ты! – отрывисто выдохнула Ольга, отбрасывая на спину полиэтиленовый капюшон и поднимаясь на веранду. – Зажгла бы свет! У меня чуть сердце не оборвалось!

– А кого ты ожидала увидеть? – Наталья фыркнула. – В доме ты да я, да куча кошек... Ну и Ксения, конечно. Забор надежный, охрана не спит, мы здесь, как в сейфе! Нервы разгулялись, что ли?

– Можно подумать, ты спокойна! – огрызнулась Ольга,

освобождаясь от дождевика и вешая его на перила веранды. – Смотри, какой дождь припустил! Наверное, начальство сегодня не приедет. Я спрашивала на вахте, им никто не звонил.

– Кому они тут нужны?

– Тебе точно, не нужны! – язвительно заметила горничная. – В таком виде лучше им на глаза не попадаться!

– А что они мне сделают? – в голосе Натальи зазвенел лихой пьяный вызов. – Уволят?

Она засмеялась и выставив руки под дождь, набрала в ладони воды. Плеснув ею в разгоряченное лицо, женщина заговорила спокойнее:

– Они отлично знают, что тогда устроит Ксения, так что мне на их ругань – тьфу!

– А на себя тоже – тьфу? – укоризненно ответила Ольга. – Послушай, это происходит на моих глазах уже пятый год! Ты спиваешься!

– Глупости! – Наталья потрянула мокрыми волосами. – Пара коктейлей от скуки, это не называется...

– Не пара!

– Ты считаешь?

– Да! От скуки! – парировала Ольга. – И честно тебе скажу, я давно уже гадаю, кто из вас двоих первой финиширует – ты или Ксения!

– Что ты имеешь в виду? – голос Натальи заметно сел, то ли от волнения, то ли от сырости.

– Иногда мне кажется, что сумасшедшая – ты, и кончится тем, что тебя упекут в дурку!

– Бред! – та окончательно протрезвела. Протянув руку, нащупала на стене выключатель, и под сводами веранды зажегся розовый фонарь, свисающий на длинной бронзовой цепи. – Иди к себе, не зли меня!

– А ты не приказывай! – резко ответила горничная. – Тебе, конечно, разрешено все, но ты здесь не хозяйка! Ты кукла, вот кто! – Ольга повысила голос. – И пьешь потому, что знаешь это! И хотя твердишь на всех углах, что любишь Ксению, сама ненавидишь ее!

– Врешь! – вскрикнула Наталья. Голос внезапно сорвался, и она хрипло закончила: – Ты завидуешь, и все!

– Чему? – с деланной жалостью ответила та. Ольга держалась спокойно, явно наслаждаясь бессильной злобой противницы. – Посмотри, что с тобой стало за пять лет! Я помню, какая ты пришла, а вот какой ты уйдешь, если вообще уйдешь? Ты же стала ее тенью! Ты без нее никто!

– Неправда! – прохрипела Наталья. – Уйду, когда захочу!

– И поедешь в свою однокомнатную квартиру в Королёве? И будешь проедать сбережения? То есть, пропивать, – беспощадно уточнила Ольга. – Да ты там и дня не выдержишь, согласишься назад!

Повисла пауза, во время которой слышался только ровный шум дождя, да тяжелое дыхание Натальи.

– Думай лучше о себе, – наконец, посоветовала она. – Мы

тут все в одной лодке.

– Не совсем! – не сдалась Ольга. – Я-то работаю. Мне все равно, за кем убирать – за банкиршей, за актрисой, за сумасшедшей... Грязь везде одна и та же. Я продаю свои руки, а ты?

– Да что на тебя нашло? Пять лет молчала, и вдруг заговорила!

– Слишком долго молчала! Не знаю, как ты, а я точно уволюсь! Ненавижу этот дом! Мне все кажется, что кто-то бегаёт по темным комнатам, и прячется, как только включишь свет... И знаю ведь, что это кошки, а мне все чудится, будто кто-то другой!

– Ну, и кто из нас сходит с ума? – поинтересовалась Наталья. Она хотела прибавить что-то еще, но в этот миг обе женщины разом обернулись в сторону парка. Оттуда послышался шум, которого они в пылу ссоры не заметили. В свете фонаря мелькнула небольшая машина, показавшаяся черной, скрылась за углом дома. Шум мотора стих, громко хлопнула дверца, женщины переглянулись.

– Генрих!

– Наконец-то! – Ольга перекрестилась. – Беги к нему, скажи, чтоб сразу шел наверх!

– А куда он пошел, по-твоему? С бокового входа – прямо в мансарду. Наверное, Михаил Юрьевич его вызвонил.

Недавние враги, разом сплотившись, приняли заговорщицкий тон. Они перешли в гостиную, где Ольга сразу при-

нялась разжигать камин. Наталья, устроившись в кресле и утопив ноги в меху медвежьей шкуры, мстительно заметила, что она бы ни за какие деньги не стала изображать Зо-лушку ради того, чтобы Генрих смог выкурить свою электронную трубочку, сидя у огня. Ольга не обиделась.

– Мы все здесь кого-нибудь изображаем за деньги. Впервые об этом задумалась?

– Ты ведь пошутила, когда сказала, что уволишься? – Наталья встала и подошла к камину. Огонь уже разгорелся, и Ольга, сидя на корточках, осторожно шевелила дрова кочергой. – Ты ведь не уйдешь?

Ольга подтолкнула вглубь камина крупное полено, по коре которого уже начинали бегать искры. Покачала головой:

– Уйду. Я служила тут слишком долго, мне все опротивело. Могу сорваться, нахамить. Честно говоря, я уже нашла другое место. В другом конце области, далеко отсюда. Я и искала подальше! – вырвалось у нее. – Страшно здесь!

– Боже мой! – Наталья уселась на шкуру, обхватила колени и уставилась в огонь. – Страшно, конечно, особенно по ночам... Теперь еще ты уедешь! Оля, что мне делать? Ты опытная горничная, везде устроишься, а кто я? Ты ведь права, я себя потеряла. Обленилась, разбаловалась... С какой радости, спрашивается?

– Чужие деньги, – кратко ответила та, ставя кочергу в кованный ящик и тоже присаживаясь к огню. – Хуже нет, когда начинает казаться, будто они твои.

– И что же мне теперь – состариться тут? – Наталья вздрогнула всем телом, хотя возле камина становилось жарко. – Уйти с тобой?

– Я думаю... – начала Ольга, но осеклась. Тишину дома прорезал женский крик. Обе вскочили и дикими глазами уставились друг на друга. Крик повторился – теперь он был похож скорее, на завывание. Наталья схватила горничную за руку:

– Ксения!

– У нее опять припадок? – побелевшими губами выговорила Ольга. – Что же это такое? Она никогда так не кричала!

– Бежим наверх!

– Ты же знаешь, Генрих не разрешает туда ходить, когда он у нее, – оробев, возразила горничная. – Один раз я сунулась, он на меня так цыкнул!

Наталья отчаянно махнула рукой и бросилась к винтовой лестнице. Ее шаги загремели по чугунным ступенькам, Ольга, поколебавшись, последовала за ней, тем более, что сверху уже доносился мужской голос, зовущий «кого-нибудь».

Наверх они прибежали одновременно – горничная выглядывала из-за плеча компаньонки.

– Генрих Петрович, что случилось?!

Тот ответил не сразу, сделав жест, призывающий к молчанию. Женщины прислушались и вскоре различили громкие всхлипывания за одной из дверей.

– Я вас попрошу пока не ложиться, – он сделал глубо-

кую затяжку и, вынув электронную трубку изо рта, выпустил струю белого вишневого дыма. – Оля, побудьте тут, рядом с ней. Я спущусь, позвоню Михаилу Юрьевичу. Наташа, идейте со мной.

Горничная, заметно изменившись в лице, осталась караулить в холле, а Наталья спустилась вслед за психиатром на второй этаж. Там он остановился и резко развернувшись, посмотрел ей прямо в глаза. Наталья этого не выносила. Она описала Нике домашнего врача своей хозяйки, как интересного, похожего на подтянутого англичанина мужчину, но ни слова не сказала про его глаза и про действие, которое они на нее производили. Это были совершенно индусские глаза – огромные, миндалевидные, черные с ярко-голубыми белками. Они казались эмалевыми, не живыми, и на удивление не подходили ко всему облику корректного психиатра. Они были красивы, но смотреть в них было тяжело – Наталья обычно отводила взгляд. Так она поступила и сейчас, но Генрих Петрович внезапно схватил ее за плечи и весьма чувствительно сжал их сильными твердыми пальцами:

– Слушайте, Наташа, ситуация у нас пиковая. Ее надо везти в больницу.

– Как? – ахнула та и против воли заглянула ему в лицо. – В психиатрическую?!

– Именно. Сейчас я попробую договориться, чтобы ее приняли, а это не так просто. Пока оденьтесь и будьте готовы помочь ей. Не хочу везти ее на «скорой», вообще не хочу,

чтобы она догадывалась, куда мы едем. Вы – с нами.

– Боже мой! Это необходимо? – Наталья чувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Только что она говорила о том, чтобы бросить место, и вдруг место само бросило ее. – Так вдруг?

– Да не вдруг! – она вдруг увидела, что психиатр сильно нервничает, и это ее окончательно подкосило. Только теперь она начинала верить, что прежней жизни пришел конец. – Смерть питона, видимо, послужила сильным толчком, начался мощный регресс, припадок за припадком, по вашим собственным словам... На дому я ее больше лечить не могу, не имею права.

– А что скажет Михаил Юрьевич?

Тот поджал губы:

– Он к этому готов. Я предупреждал.

– Значит, надежды нет? – Наталья бежала за ним, он шел в свой кабинет. – Ведь ей и раньше бывало плохо, но мы выкарабкивались!

– Одевайтесь! – заявил тот, нажимая дверную ручку и оборачиваясь на пороге кабинета. – Или поедем без вас!

Наталья бросилась наверх, и застала Ольгу в безмолвной панике. Та нервно топталась под дверью хозяйкиной комнаты, прислушиваясь и ломая пальцы. Увидев коллегу, она сделала страшные глаза и прошептала:

– Больше не плачет.

– Ходит по комнате? Бегает?

– Там тихо.

Наталья, остановившись под дверью, осторожно поскреблась и мягким, просительным тоном поинтересовалась, можно ли ей войти. Ответа не было – в комнате только что-то скрипнуло, будто кто-то резко встал со стула. Женщины переглянулись.

– Генрих знает, что делает? – еле слышно поинтересовалась Ольга, выразительно проводя ребром ладони по горлу. – Она ведь может...

– Заперто изнутри?

– Заперто.

– Ксения, – все так же нежно, будто обращаясь к ребенку, позвала Наталья, –пусти меня на минуточку. Я хочу кое-что спросить.

– Иди к себе и одевайся! – внезапно раздался из-за двери резкий, гортанный окрик. Женщины с трудом узнали голос хозяйки. – Ты же знаешь, куда мы поедем!

– Мы едем в гости, кажется...

– В дурдом! – послышался короткий, разделенный на слоги смех – как будто смеялся проржавевший механизм. – Он врет, что в гости, я знаю, в какие гости! Одевайся и не мешай мне собирать вещи!

Наталья отошла от двери и спрятала в ладонях пылающее лицо. Когда она отняла их, пальцы были мокрыми. Она беззвучно плакала. Глядя на нее, закусил губу и горничная.

– Мне надо выпить, или Генриху придется заказывать две

койки в дурдоме, – Наталья открыла дверь своей комнаты. – Идем, я и тебе налью. Не бойся, она не сбежит, оставь дверь открытой.

У себя в комнате она торопливо плеснула ликера в бокалы, мутные от выпитых прежде коктейлей. Ольга, обычно щепетильная в вопросах чистоты, не глядя, проглотила содержимое бокала и поморщилась:

– Лучше бы водки!

– Есть, ледяная, – Наталья открыла бар-холодильник, достав бутылку, налила водку в те же бокалы. – Давай.

Выпивая, обе косились на распахнутую дверь. Холл был пуст, все лампы до единой включены. Это напоминало сцену, на которую вот-вот должны выйти актеры, пока что разбежавшиеся по гримеркам. Внезапно горничная вздрогнула и едва не выронила бокал – ей почудилось движение в холле.

– Кошка! – Ольга с трудом перевела дух. – Нервы на взводе. Как ты думаешь, она не будет упираться?

– Я как раз стараюсь об этом не думать! – рассердилась вновь захмелевшая Наталья. – Ты-то останешься, а мне туда ехать! Погоди, слышала?

Она подняла палец, призывая к молчанию. Женщины замерли, вслушиваясь в ватную тишину мансарды. Наталья уже решила, что резкий стук ей почудился, или прозвучал у нее в ушах, когда он повторился. Звук шел из комнаты Ксении. Сам по себе он не казался зловещим, но в нем было что-то, одновременно перепугавшее обеих женщин. Что-

то очень знакомое, показалось Наталье, но что? Ольга изда-
ла панический писк и бросилась в холл, Наталья побежала
за ней. Они по очереди нажимали ручку двери, наперебой
звали Ксению, стучали – бесполезно. В минуты затишья был
слышен тот же звук, он повторялся методически и упорно.
Тук-тук. Пауза. Тук-тук.

– Она открыла окно! – первой догадалась Ольга, отпустив
дверную ручку. На лбу у нее выступила испарина, она рас-
краснелась и дышала прерывисто, то и дело прикладывая ру-
ку к полной груди. – Это створка стучит на ветру. Слышишь,
какой поднялся ветер?

– Ксения, открой! – Наталья еще раз ударила кулаком
в дверь и бессильно к ней прислонилась. Ноги у нее подка-
шивались, все тело мелко и противно дрожало. – Она выбро-
силась в окно! Чувствуешь, сквозняк?! Она не отвечает!

– Что у вас тут? – раздался с лестницы голос Генриха Пет-
ровича. Через мгновение показался он сам – уже полностью
одетый, в плаще, с зонтом на локте и папкой с документами
подмышкой. – Что вы кричите?

– Она выбросилась в окно! – всхлипнула Наталья, стара-
ясь не встречаться с ним взглядом. – О боже, выбросилась...
Она догадалась, и не захотела ехать в дурдом...

– Вы пьяны! – Генрих Петрович брезгливо принял
к ней и отодвинул в сторону. Повернулся к поникшей Ольге
и укоризненно заметил: – Вы тоже! Могли бы подождать, ко-
гда мы уедем! Ксения Константиновна, вы меня слышите? –

повысил он голос, и отрывисто постучал в дверь. – Нам пора ехать, я вас жду. Вы готовы?

Ответом был мерный стук оконной створки. В дверную щель с тонким свистом прорывался ветер. Не в силах больше стоять у этой страшной двери, Наталья ушла в свою комнату и ничком упала на разобранную постель. Она яростно вцепилась в подушку, не щадя длинных накладных ногтей, стараясь зарыться в нее с головой и не слышать стука и криков. Беспокойство в голосе психиатра постепенно переходило в панику.

– Ксения Константиновна, мне надо вам кое-что сказать! Пару слов! Только приоткройте дверь, я даже не войду!

– Ее там нет, – робко вставила слово Ольга.

– Без вас знаю! – вдруг заорал на нее Генрих Петрович. Его крика никто в этом доме еще не слышал, и Наталья изумленно оторвала лицо от подушки. Голос вечно корректного, сдержанного психиатра звучал совершенно по-бабьи, визгливо и истерично. – Звоните на вахту, пусть кто-нибудь придет и сломает дверь! Да не болтайте лишнего! Просто скажите, чтобы пришел человек с инструментами – дверь заклинило! Быстро!

Внезапно Наталью потрясла одна мысль, настолько очевидная, что она поразилась, как не поняла этого сразу. Женщина села на постели, задумчиво поправляя спутавшиеся пряди волос. Многие из них были накладными, и теперь сползли по настоящим прядям, придав хозяйке вид сильно

полиянвяшей собаки. В дверь ее комнаты заглянул психиатр, его лицо было искажено гневом:

– Вы что расселись?!

– А что мне делать? – довольно дерзко ответила она, успев собраться с духом. Наталья с вызовом встретила взгляд человека, которого давно считала своим врагом.

– Умойтесь хотя бы, приведите себя в порядок! – визгливо прокричал тот. – Противно смотреть! Как из дешевого борделя!

– Вам видно есть, с чем сравнивать, – заметила Наталья, окончательно придя в себя. Она далеко отставила вперед руку, и растопырив пальцы, оценила состояние маникюра. – Еще два ногтя полетели! Клянусь, я приклею их на лоб этой маникюрше!

– Вас волнуют ногти, когда ваша подруга может, разбилась? – задохнулся Генрих Петрович.

Наталья взглянула на него с торжествующим спокойствием:

– Забудьте, она не прыгала с крыши. Вы, может, не знаете, но крыша под ее окном плоская. Мы там часто загорали в шезлонгах. И с этой крыши можно пройти во вторую мансарду, маленькую, где стоит телескоп. Из нее есть лестница вниз, на веранду. Ксения просто сбежала! – она расхохоталась, не выдержав напускного бесстрастного тона. – И уж не я буду ее ловить, чтобы сдать в сумасшедший дом!

– Очень интересно! Уж не вы ли ей посоветовали бе-

жать? – мужчина заметно изменился в лице. Он смерил собеседницу уничтожающим взглядом, но сила этих гипнотических глаз удивительным образом пропала. Наталья только пожалала плечами и повернулась к зеркалу:

– Если бы догадалась, посоветовала бы. Давно надо было вмешаться в вашу хваленую терапию и вызвать другого врача! Вы лечили Ксению пять лет, а где результаты? От хорошего врача человек в окно не удирает!

– Да что вы в этом... – начал Генрих Петрович, но осекся – за его спиной в холле появился сонный и злой Ринат с чемоданчиком. За ним спешила запыхавшаяся, насквозь промокшая Ольга. На вахту ей пришлось бежать под проливным дождем. Достав отвертки и долото, шофер за несколько минут открыл дверь. Психиатр ворвался в комнату первым, за ним поспешили женщины. Ринат, которому никто ничего толком не объяснил, изумленно заглядывал вверх их голов.

Наталья оказалась права – в комнате никого не было, если не считать двух кошек, встревоженных вторжением стольких гостей. Одна из них, серая любимица Ксении, вопросительно мяукнула. Но на кошку никто не смотрел – все взгляды были прикованы к одному из окон. Оно было раскрыто настежь, створка резко билась об угол старинного бюро розового дерева. Ольга подошла к окну, поймала летавшие в воздухе белые занавески, выглянула наружу и закрыла его.

– Слава богу! – перекрестилась она. – Я боялась увидеть ее тут... С петлей на шее. Или там, внизу...

– Она ушла по крыше и спустилась на веранду через вторую мансарду, – поделилась догадкой Наталья. – Представляешь, я ведь догадалась прежде, чем сломали дверь!

Ольга посмотрела на нее с уважением, зато Ринат, внимательно слушавший подруг, неожиданно спросил:

– Так это хозяйка уехала на «фольксвагене»?

Все разом повернулись к нему, даже психиатр, лихорадочно обыскивавший в этот момент ящики письменного стола.

– Что-о? – недоверчиво протянул он, делая шаг к шоферу. Тот развел руками:

– На вашей машине. Мы думали, это вы снова уезжаете в Москву, и открыли ворота.

– Кто-то выехал на моей машине? – охрип от бешенства Генрих Петрович. – Кто сидел за рулем?

– Мы даже не смотрели, – признался Ринат. – Увидели, что вы опять едете, и открыли ворота. Еле успели, вы даже не притормозили.

– Когда это было? – прорычал тот.

– Да только-только! Мы выпустили машину, и тут же прибежала Оля.

– Черт, – психиатр присел на аккуратно заправленную постель своей пациентки и достав из кармана трубку, уставился на нее с таким безнадежным видом, будто видел этот предмет впервые и не понимал, что с ним делать. – Она сбежала!

– Наконец-то до вас дошло! – издевательски поздравила его окончательно осмелевшая Наталья. – Что-то вы теперь

скажете Михаилу Юрьевичу?

Тот не ответил, продолжая с оцепенелым видом рассматривать трубку. Прислуга покинула комнату и прикрыв за собой дверь, устроила в холле небольшой обмен мнениями. Ринат сказал, что тот, кто был за рулем, гнал лихо! Ольга от души пожалела бедную женщину, которая пыталась спастись от больницы таким отчаянным образом...

– И ведь напрасно, поймают и отправят, куда захотят! Хорошо, хоть с крыши не сорвалась, черепица-то мокрая!

Наталья молчала. Ее боевое оживление прошло, алкоголь, которым она себя подхлестывала весь вечер, постепенно выветривался. Она мрачно оценивала свои перспективы на будущее. Всего час назад она обсуждала с горничной свое положение в этом доме, и всерьез думала о том, что его надо изменить. Сейчас, когда оно изменилось само собой, ей было попросту страшно. Ольга заметила ее состояние и дружески положила руку ей на плечо:

– Не расстраивайся, найдешь место. Ты впервые меняешь, а я-то! С двадцати лет в прислугах... Всего навидалась.

Ринат тоже задумался о своем завтрашнем дне:

– Нас всех уволят, так? Хозяину шофер не нужен, ты уйдешь, Наташка... Кого я возить буду? Нет, лихо Ксения гнала! – вновь вспомнил он и невольно заулыбался. Улыбка на удивление не шла к его серому морщинистому лицу, и казалась еще одной глубокой морщиной. – Чуть ворота не высадила! Небось, уже к Москве подлетает!

– Господи, к кому же она едет?!

В это время на пороге комнаты появился Генрих Петрович. Вынув трубку изо рта и выпустив клуб дыма, он велел Ринату немедленно возвращаться на вахту, а женщин попросил помочь с осмотром вещей пропавшей хозяйки. После секундной заминки его послушались, хотя все трое уже считали себя уволенными.

– В чем она уехала, можете определить? – Генрих Петрович указал на раздвинутые зеркальную дверцы гардеробной. – Мне надо дать ориентировку полиции.

– Но это вы видели ее последним, – осторожно напомнила Ольга.

– Ну и что? Не могла же она сбежать в майке и шортах в такую собачью погоду! Вы убрали ее вещи, следили за ними, должны понять, что она надела.

Поручив Ольге гардероб, он повернулся к бывшей компаньонке. Та ждала указаний с ледяным видом. Генрих Петрович тоже принял сугубо официальный тон.

– Вы тесно с ней общались, были в курсе ее дел. Сколько денег она могла взять с собой?

– Я у нее не видела наличных денег. Да и зачем они ей?

– Верно, у нее не должно было быть ни наличных, ни кредитных карточек, – подтвердил Генрих Петрович. – Я сам просил об этом Михаила Юрьевича. Но она могла где-то достать денег тайком. У мужа в кабинете, у Ольги, у вас, наконец... У вас не пропадали деньги?

Обе женщины дружно заявили, что ничего подобного не замечали, и что Ксения Константиновна никаких тайников не имела.

– Я бы давно нашла их при уборке, – заверила Ольга. – Я этот дом могу убрать с завязанными глазами.

– Вы понимаете, как важно это выяснить? – Генрих Петрович взглянул на часы. – Если у нее нет ни копейки, далеко не уедет – у меня в машине бак почти пустой. Заправиться не сможет, где-нибудь застрянет... Но если у нее есть деньги, она может убежать куда угодно!

Ответом ему было молчание женщин. Он беспомощно покачал головой:

– Вы думаете, я хочу ее поймать ради каких-то своих целей? Я же за нее боюсь!

– Мы понимаем, – тихо ответила Ольга. – По-моему, она надела старые белые брюки, широкие, льняные, с карманами на бедрах... Ксения Константиновна часто носила их дома, любила... Я вчера их принесла из стирки, положила вот сюда... Нету. И кажется, она взяла теплую длинную кофту, с поясом и норковым воротником. Коричневая кофта-пальто, с желтыми костяными пуговицами. Я ее не вижу, а висела вот тут.

– Денег у нее не было, а драгоценностей – полно! – Наталья подошла к туалетному столику, выдвинула верхний ящичек. – Посмотрим... Жемчужное кольцо обычно на ней, тут его и нет... Ксения в нем даже спала. Еще у нее были часы,

очень дорогие. Она их снимала только на ночь и в ванной, хотя я всегда себя спрашивала – зачем ей знать точное время?

Наталья перевернула вынутый ящик на столешницу и разобрала драгоценности. Она знала их не хуже собственных побрякушек, конечно, куда более броских и менее дорогих. Несколько пар серег – с бриллиантами, сапфирами – под цвет глаз, большие платиновые кольца, украшенные эмалью... Ксения редко носила серьги, и с улыбкой смотрела на то, как их примеряет компаньонка. «Я не покупала серьги сама, это все подарки, – заметила она как-то. – Не люблю серьги вообще. Знаешь, в древнем мире это было символом рабства». Она разложила на столе многочисленные браслеты, в том числе – большой изумрудный, стоивший целое состояние, десятка полтора колец, кулоны и цепочки...

– Все на месте, – растерянно сказала Наталья, сделав полную ревизию. – Не понимаю. Она не взяла ничего!

– Ну да, она же не планировала побег, это случилось спонтанно, – Генрих Петрович со свистом всосал воздух через погасшую трубку. – Боюсь, на автозаправке она попытается расплатиться часами или своим жемчугом... В час ночи, одна, в остром состоянии... Гонит по мокрой трассе...

– Так звоните скорее! – Наталья взглянула на часы. – Она уже минут сорок на свободе! Надо немедленно сообщить Михаилу Юрьевичу!

– Да, да, – удрученно согласился тот. – И как она догада-

лась, что я хочу отвезти ее в больницу?

Через полчаса переполошенный дом снова погрузился в темноту и тишину. Ожидали приезда хозяина. Генрих Петрович остался ночевать, заплаканная Ольга постелила ему в комнате для гостей. Из комнаты Ксении выгнали кошек, самую комнату заперли – психиатр считал, что ее должна осмотреть полиция. Теперь ее единственными обитателями остались яркие тропические рыбы, равнодушно курсирующие в огромном, таинственно подсвеченном аквариуме. На лужайке перед домом снова горел один фонарь, остальные, включенные по тревоге, уже погасли. Дождь перестал, но холодный ветер не унимался, и яростно морщил лужи на мощеных дорожках парка.

...Наталья отошла от окна, задернула шторы и присела на постель. Она страшно вымоталась за этот вечер, и ее не покидало чувство, будто она что-то потеряла. Но не только место, не стабильный доход, что-то куда важнее. Ее мысли все время возвращались к синеглазой светловолосой женщине, которую она привыкла ощущать рядом, за стеной, чье присутствие стало для нее таким же необходимым, как присутствие сестры-близнеца. Комната Ксении опустела, Наталья чувствовала – навсегда. Что бы ни случилось, она туда не вернется, эти стены больше не услышат ее спокойного, музыкального голоса, который искажался только в минуты припадков... Женщина растерла ладонями виски и закрыв глаза, повалилась на подушку. Странно, теперь она никак

не могла соотнести воспоминание о Ксении с этими припадками, так портившими всем жизнь. Они удивительным образом разделились в ее сознании, как будто не имели друг с другом ничего общего, и Ксения вспоминалась, как что-то спокойное, светлое, на удивление безмятежное. Она вспомнила слова Ники: «Нормальнейшая с виду женщина!»

«Неужели мы никогда больше не увидимся? – подумала она, переставая ощущать границы собственного усталого тела. Оно растворялось в темном сладком сиропе сна. – Не может быть, не верю...» Наталья вдруг увидела Михаила Юрьевича. Стоя у постели и гневно жестикулируя, тот чего-то от нее добивался, и она уснула, едва успев понять, что уже видит сон.

Глава 4

Лучи солнца медленно подкрадывались к постели, на которой разметалась уснувшая одетой женщина. Они соскользнули по стене, проползли по полу, запнулись о сброшенную подушку. Наконец, вскарабкались по свисающему краю простыни и легли на лицо спящей. Та недовольно оттопырила губы и слабо застонала, пытаясь поднять отяжелевшие от сна веки. Наконец, ей удалось открыть глаза. Наталья с минуту смотрела в потолок, потом приподнялась на локте и обнаружила, что спала в одежде.

Раздеваясь на ходу и бросая предметы туалета на пол, она прошла в ванную комнату, стиснув зубы, встала под прохладный душ, и стояла в кабинке, подставив лицо под сильные струи воды и гортанно покрикивая, до тех пор, пока не ощутила себя полностью обновленной. Высушив и с трудом расчесав спутанные волосы, она уложила их в хвост, отказавшись на этот раз от накладных прядей. Она все время прислушивалась, не раздастся ли какой-нибудь звук за стеной? Там стояла мертвая тишина, из чего женщина сделала заключение, что беглую хозяйку еще не поймали. На часах обе стрелки приближались к двенадцати. «А если ее перехватили на дороге и увезли прямо в больницу?»

Наталья торопливо натянула джинсы и легкий свитер, спустилась на первый этаж. Заглянула в столовую, отмети-

ла непривычный беспорядок на столе – грязные кофейные чашки, криво свисающие края скатерти... В прежние времена педантичная Ольга сторежала бы от стыда при виде такого натюрморта, но в это утро ей, как видно, было все равно. В охотничьей гостиной, в камине, дотлеvalo последнее громадное полено – его явно положили не так давно, на рассвете. Из этого Наталья заключила, что кто-то здесь бодрствовал всю ночь. Генрих Петрович? Или вернулся муж хозяйки? Ей становилось не по себе в этом пустом доме, откуда все словно сбежали, бросив ее одну на произвол судьбы.

Женщина вышла на веранду, оглядела парк. На лужайке перед домом по-прежнему горел фонарь – его забыли выключить утром. Освещенный желтый шар на фоне ясного неба усиливал ощущение заброшенности и беспорядка. Наталья поежилась и в тот же миг услышала за спиной спокойный мужской голос:

– После завтрака зайдите ко мне в кабинет, Наташа.

Она испуганно обернулась, и увидела в дверном проеме хозяина. Приложила руку к груди:

– Я не слышала шагов! Вы ночью приехали?

– Час назад, – он подошел к перилам, взглянул на парк, заметил горевший фонарь. – Позвоните, чтобы потушили. Не люблю, когда свет горит днем.

– Конечно, – заторопилась она, радуясь поводу уйти. – Я сбегаю на вахту, сейчас же!

Наталья робела перед Михаилом Юрьевичем, хотя этот

равнодушный ко всему, меланхоличный человек ни разу не поднял на нее голоса, ни за что не отчитал. Она сама не знала, откуда бралось это чувство неловкости и вины перед ним. Оно появилось при первой же встрече, пять лет назад, когда Наталью представили художавому, какому-то узкому с ног до головы, рано поседевшему мужчине с большими серыми глазами, выражавшими усталую печаль. У него был вид книжного червя, не имеющего понятия не то, что о курсе доллара, но даже о текущей дате... И тем не менее, Михаил Юрьевич Банницкий был одним из директоров крупного московского банка.

– Пойдите, – вдруг сказал он, когда женщина уже спустилась по ступеням. – Не надо. Пусть горит.

Наталья удивленно подняла глаза. Михаил Юрьевич на ее памяти никогда не отменял отданных приказов... Но сегодня, когда все шло шиворот-навыворот, изменился даже он, казавшийся оплотом порядка и рациональности.

– Вы ведь еще не завтракали?

– Нет, – теперь она окончательно убедилась, что с хозяином происходит что-то неладное. Он никогда не интересовался тем, кто и что ел, и ел ли вообще. Сам Михаил Юрьевич питался странно, от случая к случаю, причем еда, даже самая вкусная, явно не доставляла ему удовольствия. Он ел, чтобы жить. «Как он странно говорит сегодня! – заметила женщина. – Будто во сне. У него вид лунатика!»

– Ольга плачет на кухне, от нее никакого толку, а повариха

даже не приехала сегодня, – так же размеренно, в пустоту, продолжал он. – Так что завтрака, думаю, не будет.

– Оля плачет? – растерянно повторила женщина.

– Да, вы же еще не знаете, – он впервые за все время разговора взглянул прямо на нее. Его большие серые глаза всегда казались печальными, хотя Наталья по опыту знала, что к действительным чувствам Михаила Юрьевича это не имело отношения. – Ксении больше нет.

Она услышала странный звук – не то хрип, не то рык, и в это мгновение не поняла, что издала его сама. Отступила на шаг, едва не поскользнувшись на мокрых плитах дорожки, не сводя глаз с хозяина. Тот внезапно закрыл лицо руками, отвернулся и быстро ушел в гостиную. У женщины закружилась голова, и, пошатнувшись, она судорожно вцепилась в перила веранды. Наталья была близка к тому, чтобы потерять сознание. Она с трудом вползла по ступеням, пересекла бесконечную охотничью гостиную и упала в кресло, желая только одного – чтобы мир перестал так отвратительно вращаться и раскачиваться. В камине выстрелило полено, женщина резко вздрогнула и вдруг расплакалась от страха, бессилия, от жалости к себе. Никогда еще Наталья не чувствовала себя такой слабой, никому не нужной.

– Ты уже знаешь? – раздался у нее за спиной сиплый голос Ольги. Та вошла в гостиную, остановилась посреди комнаты и оглядела стены с таким затравленным видом, будто они могли внезапно сдвинуться и раздавить ее, как орех в тис-

ках. В руках она держала мокрое махровое полотенце и пустой стеклянный кофейник, было заметно, что она носит их с собой машинально, а не по необходимости. – Я сегодня же уезжаю. Не могу тут оставаться!

– Что с ней случилось? – Наталья вытерла слезы. Комната, наконец, перестала кружиться. – Михаил Юрьевич сказал, что ее больше нет. Она... Она разбилась, да?

Горничная молча наклонила голову.

– А ведь я еще вчера об этом подумала, – призналась Наталья. – Я была почти уверена, что никуда она не доедет.

Ольга издала то ли вздох, то ли всхлип, и прижала к опухшему лицу мокрое полотенце. Отняв его, она обнаружила в другой руке кофейник и с удивленной гримасой поставила его на каминную полку.

– Я совсем не в себе, – пробормотала она. – Стала вещи собирать, а что беру, куда кладу – не понимаю. Зачем-то полезла картину со стены снимать, хотя она не моя... Потом гляжу – стою почему-то в мансарде, перед ее запертой комнатой, жду чего-то... А как туда попала – не помню. Так ведь можно с ума сойти!

– Можно, – согласилась Наталья. – Тебе в самом деле, нужно поскорее уехать. Помочь собраться?

Женщины перешли в боковое крыло, где располагались комнаты прислуги, и занялись сбором сумок. За семь лет службы в доме у Ольги накопилось внушительное приданое, но она и слышать не хотела о том, чтобы забрать его частями.

– Нет никакой охоты сюда возвращаться! – женщина торопливо выхватывала вещи из шкафа и рассовывала их по сумкам. – Этот дом всегда был мертвым, с самого начала! Мы тут жили, как привидения, ни гостей, ни детей, ни праздников! Только эти кошки, да змеи, да рыбы, твои коктейли, ее припадки, эти дурацкие чучела...

– Как это произошло, знаешь? – Наталья, не поднимая головы, укладывала в сумку коробки с обувью. Свои вещи, как и вещи хозяев, Ольга содержала в идеальном порядке, так что паковать их не приходилось. Комната пустела на глазах.

– Михаил Юрьевич сказал только, что это было ночью, и она, вероятно, уснула за рулем.

– Уснула?! – Наталья остановилась, прижав к груди коробку с кроссовками. – Как она могла уснуть?!

– Сказал, вскрытие покажет, – у Ольги снова задрожали губы. – Он сам-то ничего не знает. Генрих туда поехал один, его с собой не взял. Михаил Юрьевич стал такой покорный, прямо, как ребенок! Куда посадишь, там сидит... Господи, а дети-то! – воскликнула она, и женщины обменялись тяжелыми вздохами. – Девчонкам всего по десять лет!

– Ну, матери-то они уже пять лет не видели, – напомнила ей Наталья. – На первое время можно будет и скрыть от них. А там... У детей все быстрее заживает.

– Скажи еще, как на собаках! – возмутилась горничная. – Неужели их даже на похороны не привезут?

Она хотела прибавить что-то еще, но вдруг осеклась, уста-

вившись на приоткрытую дверь. На пороге стоял Михаил Юрьевич, и последние фразы, которыми обменялись женщины, явно достигли его ушей. Однако, он ничем этого не выказал. Извинившись, сделал знак Наталье, и та смущенно поспешила выйти.

– Закройте дверь, – попросил Михаил Юрьевич, и она торопливо выполнила его указание. При нем Наталья всегда начинала суетиться. – Ольга уедет сегодня. А что решили вы?

– Я? – она нервно сглотнула слюну и заложила руки за спину, чувствуя себя школьницей, не выучившей урока. – Не знаю. Я не думала... Наверное, и мне нужно уехать... Зачем я вам?

– И даже не останетесь на похороны?

Ей показалось, что в этом грустном, всегда будто замороженном лице что-то дрогнуло, и она поспешила с ответом:

– Я бы осталась, конечно, осталась!

– Оставайтесь! – он как всегда, не то просил, не то приказывал – Наталья так и не научилась понимать эту интонацию. – Мне нужно, чтобы кто-нибудь из вас остался!

И встретив ее ошеломленный взгляд, добавил:

– Конечно, мне одному никто не нужен, все могут уехать... Вы тут все жили только ради нее. Но только это будет странно выглядеть. Разве я прокаженный? В конце-концов, я вам платил, а теперь вы все разбегаетесь! Неужели со мной страшно?

Она нашла в себе силы мотнуть головой:

– Что вы, Михаил Юрьевич, никто и не разбегаются, просто у Ольги еще вчера сдали нервы! А я останусь, пока нужна! Мне идти-то, честно говоря, некуда.

Ей показалось, что он слегка улыбнулся, но она тут же отмела эту мысль, как невероятную. У нее на языке вертелся вопрос, который мучил ее, и она решилась.

– Скажите, Ксения Константиновна... Как это произошло?

– Во сне, – спокойно ответил он. – Так мне сказали по телефону. Она уснула за рулем, потеряла управление. Перед тем, как везти Ксению в клинику, Генрих напичкал ее успокоительными таблетками, вот они и подействовали через час... Возбуждение резко сменилось глубоким сном.

– Господи, – прошептала Наталья.

– Она ничего не почувствовала, – убежденно добавил Михаил Юрьевич. – Машина свернула с дороги, свалилась в старый глиняный карьер, по самую крышу ушла в воду, а она все спала.

– Ксения... Утонула? – женщина с трудом отогнала снова подступившую дурноту.

– Можно сказать так. Генрих обещал узнать точно. Наверное, скоро придет, – он взглянул на часы. – Наташа, мне неудобно просить об этом вас, но кажется, Ольга уже считает себя уволенной. Сварите мне кофе, и покрепче – я эту ночь не спал. Принесите в кабинет.

Женщина отправилась на кухню. В ней боролись жалость к нелепо погибшей хозяйке, и горькое осознание, что той в любом случае не была суждена счастливая жизнь. Она сочувствовала вдовцу, уважала его за умение держать себя в руках. И одновременно задавала себе вопрос – а не испытывает ли он втайне облегчения, избавившись от психически больной жены? С трудом сориентировавшись в кухонных шкафах – Наталья была здесь редкой гостьей – она кое-как сварила кофе, и даже отыскала какое-то печенье. Однако, поднявшись с подносом в кабинет Михаила Юрьевича, она убедилась, что с кофе опоздала. Хозяин крепко спал на диване, сиротливо свернувшись комком и подложив под голову кулак вместо подушки. Во сне у него было детское, обиженное лицо, и он никак не походил на директора крупного банка. Женщина с минуту смотрела на него, затем осторожно поставила поднос на письменный стол, и отыскав в соседней комнате, служившей хозяину спальней, плед, заботливо укрыла его. Спустившись к Ольге, она убедилась, что та почти закончила укладку вещей.

– Михаил Юрьевич такой любезный, – вздохнула горничная, присаживаясь на постель. – Предложил оставить все сумки здесь, мне сегодня к вечеру их доставят по адресу. И рекомендацию обещал написать. Подумай сама – до рекомендации ему сейчас?! На такого хозяина молиться надо... А я все-таки тут не могу. Это сильнее меня, режьте на кусочки – не останусь! Мне этот дом сниться будет...

– Наверное, мне тоже, – Наталья подошла к окну, выглянула, отметила, что фонарь на лужайке, наконец, погасили. – И дом, и хозяйева... Пять лет прошли как во сне, я проснулась, и мне страшно... Послушай, я останусь здесь до похорон, как он просил, а потом перееду к себе в Королёв. Заглянешь как-нибудь?

Ольга пообещала приехать, и у женщины немного отлегло от сердца. Ее туманное будущее понемногу обретало четкие очертания, в нем появлялось что-то похожее на порядок. И она довольно спокойно рассталась с Ольгой, проводив ее до ворот, где уже ждал в машине Ринат. Помахала вслед удалявшемуся черному «ниссану», постояла, глядя на опустевшую дорогу, перебросилась парой слов с охранником. И медленно пошла к дому, глубоко вдыхая прохладный сосновый воздух. Бесцельно прошлась по своей комнате, пытаюсь представить, как устроится на новом месте... Взяла с туалетного столика мобильный телефон, обнаружила два пропущенных вызова от Ники, и обрадовалась. Наталья не умела жить без привязанностей, без подруг, которым можно излить душу, без исповедей. Старая, вновь обретенная подруга отлично для этого годилась.

– Привет, – воскликнула она, набрав номер. – Если бы ты знала, как мне тебя не хватает!

Печальное известие поразило Нику больше, чем можно было ожидать. Некоторое время та не могла ответить ни слова, затем протянула:

– Что-то такое мне снилось...

Она неуклюже свернула разговор, обещала звонить и отключилась.

– Кто бы мог подумать, что это ее так заденет! – заметила Наталья вошедшей в комнату серой кошке. – Она и видела-то Ксюшу полчаса!

Кошка вопросительно мяукнула, и потоптавшись, вспрыгнула женщине на колени. Та прижала ее к груди, чувствуя облегчение уже оттого, что рядом есть кто-то живой и теплый.

Последующие три дня показались Наталье самыми напряженными в ее жизни, к моменту похорон она окончательно выбилась из сил и была близка к нервному срыву. Михаил Юрьевич попросил ее остаться вовсе не из боязни одиночества – она поняла это, когда он возложил на ее плечи обязанность отвечать на телефонные звонки, самой обзванивать друзей семьи, и распоряжаться целым штатом персонала, присланного для поминок. Звонки много сил не отнимали – она сообщала о смерти своей бывшей хозяйки лаконично, давая минимум информации – так просил Михаил Юрьевич. Наталья делилась печальной новостью, уточняла место и время похорон, спрашивала, надо ли прислать машину, и на том все кончалось. Ни единой истерики в ответ на трагическое известие она не услышала. Люди реагировали по-разному, некоторые с трудом припоминали, о ком идет речь. В целом у нее создалось впечатление, что на похоронах

рыданий и обмороков не будет.

– А чему удивляться, Ксения пять лет ни с кем не виделась! – говорила она по вечерам Нике, когда звонила ей перед сном. Эти звонки стали ритуалом. Наталья больше не позволяла себе ни капли спиртного, понимая, какая ответственность на нее возложена. – Она для всех давно все равно, что умерла!

– Будет много народу? – интересовалась Ника.

– Около сотни человек, может, и больше, – неуверенно говорила Наталья. – Вообще всем, что касается кладбища и ритуала, занимается Генрих, а на мне поминки. Я сама даже на кладбище не поеду, не выйдет. Заказала ей венок, с лентой, от меня. Дети прилетят из Англии уже после похорон, я сперва возмутилась, что они не простятся с матерью, а теперь думаю, зачем им это зрелище? Я сама покойников боюсь ужасно, хорошо, что останусь дома... Бедная Ксюша!

Она принимала утешения подруги, охотно позволяла успокаивать себя, и даже капризничала, когда Ника закругляла разговор, ссылаясь на домашние дела.

– Я проклинаяю тот день, когда мы встретили ее на «Птичке»! – рычал Олег, заставая жену на кухне с телефонной трубкой. – Она, часом, не к нам собирается переехать после похорон?

Ника умоляюще поднимала брови и делала мужу знак не сердиться. Они помирились уже на другой день после своей первой серьезной размолвки, тем более, что причина,

вызвавшая ссору, исчезла. Ника вовремя приходила с работы, не заговаривала больше ни о каких собственных планах, и единственным, что от них осталось, был цифровой фотоаппарат – она так и не вернула его Ярославу, тот уехал в командировку. О случившемся он узнал, позвонив Нике, и прокомментировал ситуацию резко:

– В этом несчастном случае виноваты не только таблетки! Я еще доберусь до этого Генриха Петровича!

* * *

– ...И в результате человек десять остались ночевать, а я бегала, размещала их по комнатам, стелила постели, Михаил Юрьевич заперся в кабинете, и я каждую минуту думала, не сделал ли он чего с собой! Ужас, мне казалось, вчерашний день никогда не кончится! – громко рассказывала Наталья, появляясь из кухни с подносом, на котором стояли запотевшие бокалы, украшенные дольками фруктов и бумажными зонтиками.

Ника с Ольгой взяли по бокалу и устроились на новеньком, скрипучем кожаном диване. Единственный гость мужского пола – Ярослав – галантно помог установить поднос на крошечном телефонном столике. Других столов в квартире Натальи не было, коктейли она готовила на подоконнике. Принесенные гостями подарки – чайный сервиз и соковыжималку – красиво разместила прямо на полу.

– Пустовато, – Ольга потягивала коктейль, оглядывая стены профессионально-придирчивым взглядом. – Хотя может, ты в ближайшие дни снова переедешь к кому-нибудь в дом, и мебель вообще не понадобится. У нас с тобой профзаболевание – бездомность... Видела бы ты мою комнату в коммуналке! Я ее не прибирала лет пятнадцать, закачаешься! Сплошь все молью побито и жучком изъедено. Пока чужую мебель от пыли протирала, моя собственная пропала... И вся жизнь так.

Она сделала большой глоток и закончила:

– Но убирать квартиру бесплатно?! Нет-нет.

– Опять в компаньонки я не собираюсь! – Наталья остановилась перед большим зеркалом, висевшим на стене. – Да и не найдешь второй Ксении... Я ведь согласилась от безденежья, а вышло, что мы с ней стали, как родные!

Она прерывисто вздохнула, но не заплакала. Плакать, по ее собственному признанию, женщина была уже не в силах.

– Сдается мне, убивалась по ней только я, – рассказывала она. – Остальные пришли для того, чтобы отчитаться перед Михаилом Юрьевичем. Бабы явились в бриллиантах, намазанные – на похороны-то! Я думала, раз это ее прежние подруги, хоть кто-то слово о ней скажет, а они только выпивали и болтали о своих делах. Сперва потихоньку, а когда перепились – во весь голос.

У Натальи болезненно исказилось лицо. Ольга кивнула:

– А чего ты ждала? Где водятся деньги, там человеческих чувств не ищи. Что им твоя Ксюша, подумаешь! Они пришли, чтобы мужей не подвести, те с Михаилом дела имеют.

– Ужасно, – заметила Ника, делая знак Ярославу. Тот уже давно с нетерпением на нее поглядывал, напоминая о настоящей цели их визита. Узнав о том, что Ника увидится с компаньонкой и горничной погибшей банкирши, он настоял на том, чтобы она взяла в гости и его. Ярослав стоял на своем – это дело нельзя бросить. Она попросила у Натальи разрешения привести своего друга из редакции, на что та охотно согласилась. Весь вечер она выразительно поглядывала в его сторону, чем смущала Нику. Наталья явно считала улыбчивого гостя любовником подруги.

– А что говорит полиция? – Ника поставила на поднос опустевший бокал с оплывшими кубиками льда на дне, стиснула ладони, чтобы согреться. – Известны новые подробности?

– Подробности все те же, – Наталья передернула плечами. – Генрих Петрович накачал ее успокоительными таблетками перед выездом, чтобы она не буянила в машине, когда поймет, куда ее везут. Когда она сбежала, то сперва была слишком возбуждена, и они не сразу подействовали, а потом, на дороге, вдруг отключилась... Машина пролетела поворот, свалилась в карьер, перевернулась, ушла под воду. Воды-то там было немного, в человеческий рост, но окно в салоне было открыто, Ксения не смогла проснуться, да и была оглу-

шена при падении, так что захлебнулась. Утонула в ложке воды... Раны-то у нее были поверхностные, все бы зажило...

Внезапно ее прервал Ярослав. Хлопнув в ладоши и взяв на себя внимание, он спросил Наталью и Ольгу, не желают ли они стать телезвездами? Обе женщины изумленно переглянулись, Ника в панике закрыла глаза. Она была уверена, что затея ее коллеги потерпит крах.

– Я не шучу, Ника может подтвердить, – с воодушевлением продолжал тот. – История вашей хозяйки может заинтересовать многих, поверьте мне, как профессионалу. Что этой женщине дало ее богатство? Одиночество, купленную дружбу, – он указал на Наталью, – разрушенную семью и в конце-концов, нелепую смерть. А ведь не будь у ее мужа кучи денег, она бы сейчас была жива! Парадоксально, но это так! Ее бы наблюдали в обычной больнице, и плохо ли, хорошо, а лечили бы, и может, вылечили! Ее бы не прятали, как прокаженную, потому что в семье со средним достатком спрятать человека трудно – бытовые условия не позволят. У нее бы не было личного психиатра, квалификация которого, надо сказать, еще под вопросом...

– Насчет купленной дружбы – поосторожней! – зло произнесла Наталья.

– Простите, я не хотел сказать, что вы ее обманывали! – Ярослав прижал руки к груди, выражая чистосердечное раскаяние. – Наоборот, как раз с вами этой бедной женщине крупно повезло, ведь она могла получить совсем другую

компаньонку! Какую-нибудь хитрую, жадную авантюристку, которая тянула бы с нее подарки и деньги!

– Верно! – внезапно поддержала его горничная. – Когда ты к нам пришла, Наташа, я первое время присматривалась, не верила, что ты ее жалеешь. Честно говоря, думала, полезешь в постель к хозяину. А почему нет – он же к ней не прикасался с тех пор, как это случилось, живому человеку жить хочется, а ты под рукой!

– Сдурела! – возмутилась бывшая компаньонка. – Если бы ему захотелось погулять, нашел бы и лучше и моложе! Да и нашел, сама знаешь! Он же почти не ночевал дома, чего это я полезу в пустую постель?!

– У него была любовница? – насторожился Ярослав.

Женщины переглянулись. Видно было, что у каждой рвется с языка какое-то признание, но ни одна не решается заговорить первой. Не выдержала Ольга. Она была непривычна к алкоголю, выпитый коктейль развязал ей язык.

– Обвинять его трудно, он же еще молодой мужчина, – она снисходительно пожала плечами. – Напротив, он себя очень порядочно вел, ведь давно мог избавиться от такой жены... А лечил, заботился! Есть любовница, конечно, и наверное, теперь они поженятся.

– Спасибо, хоть на поминки не явилась, – враждебно заметила Наталья. – Я все боялась ее увидеть.

– Так вы ее знаете в лицо?

Женщина призналась, что видела соперницу Ксении

на фотографии. Как-то, полгода назад, зайдя в кабинет Михаила Юрьевича в его отсутствие, она заметила на письменном столе забытые бумаги. Наталья взглянула на них случайно, увидела, что это ксерокопии внутреннего и заграничного паспорта хозяина, и его фотографии для визы. Михаил Юрьевич как раз собирался съездить к дочерям в Англию. Рядом со снимками хозяина на столе лежали две цветные фотографии молодой женщины. Это лицо так врезалось Наталье в память, что она узнала бы его даже в толпе.

– Там оказались ксерокопии и ее паспортов тоже, – после заминки сказала она. – Я не удержалась, посмотрела, с кем это он едет. Конечно, некрасиво, но мне совсем не стыдно! – она с вызовом оглядела присутствующих. – Я сделала это ради спокойствия Ксении. Надо ведь знать, что ей грозит...

Ольга лукаво усмехнулась и заметила, что зная Михаила Юрьевича, можно было понять – Ксении не грозит ничего.

– Просто он человек деловой, а деловые люди умеют все совмещать, чтобы не терять времени даром, – заявила она. – Большую жену совмещают со здоровой любовницей, поездку к детям – сами знаете, с чем... Отказываться от чего-то они не любят. Уж я знаю, насмотрелась! Некоторые и не скрывают ничего, считают это ниже своего достоинства. Ксении еще повезло, она так ничего и не узнала.

– Ты думаешь, это бы ее задело?

– Дамы, дамы! – умоляюще прервал их Ярослав. – Я повторяю свой вопрос – вы не хотите все это обсудить публич-

но? О том, что случилось с вашей хозяйкой, должны узнать другие люди!

– Вы имеете в виду ток-шоу? – догадалась Наталья. Она остановилась перед зеркалом и снова оценила свое отражение. Внезапно нахмурилась, и повернулась к журналисту: – Заманчиво, но... Зачем?

– А затем, что эту женщину, в сущности, убили! – резко заявил Ярослав, бросив заигрывающий тон. – Ей не была оказана квалифицированная врачебная помощь, у нее был доступ к опасным для нее вещам, в том числе, к машине! Несчастный случай? А если бы вы были за рулем – вы бы заснули?! Нет, потому что не принимали препаратов, которые принимала она! Говорю вам, у этого несчастного случая есть виновники! И прежде всего – ее личный врач!

– Я всегда считала Генриха мошенником! – снова встала на его сторону горничная. – Не знаю, хороший он врач или нет, знаю только, что драл с Михаила Юрьевича безбожно! Не знаю, как он втерся в доверие к хозяину, но Генрих мог делать все, что угодно, ему никто бы слова не сказал! Ведь Михаил Юрьевич ничего, кроме работы, не понимает! Дрянь съест и спасибо скажет! Наденет, что дадут, поспит, когда придется, отдыхать, развлекаться не умеет... Только и умеет, что работать, зато уж умеет! – уважительно признала Ольга. – Таких людей беречь нужно, опекать, как детей, они и сами-то рады, когда в быту за них кто-то что-то решает... А тут беда с женой, и что делать, непонятно, и Генрих... Конечно,

он мог брать любые деньги, он же герой-спаситель!

Ольга зло фыркнула:

– А насчет того, чтобы отдать Ксению в больницу... Генрих своему карману не враг! Если он собрался ее туда везти, значит, дело было совсем дрянь! Небось, рад, что она погибла, а то бы намылили ему шею за такое лечение на дому! А теперь – концы в воду, чист, виновата Ксения! Небось, Михаил Юрьевич ему еще новую тачку купит, вместо разбитой! А Генрих возьмет, с него, гада, станется!

– Вот-вот, – воодушевленный Ярослав подскочил к женщине, взял в обе ладони ее руку и потряс: – Мы позовем отличного юриста, специалиста по медицинским преступлениям, вытащим этого Генриха, и ему придется кое-что объяснить! Вы все расскажете...

– Никогда! – неожиданно ответила та, высвобождая пальцы. – Вы с ума сошли, молодой человек?!

И взяв с подноса последний коктейль, Ольга жадно выпила половину. Слизнув с губ взбитые сливки, кивнула Наталье:

– А из тебя, правда, вышла бы хорошая барменша. Попробуй, чем черт не шутит. Кстати, если выступишь в шоу, в бар тебя возьмут на «ура», но ни в один приличный дом уже не примут. Нет, молодой человек, – обернулась она к Ярославу, – цель у вас благородная, но меня в расчет прошу не брать.

– А я... Не знаю, – растерянно проговорила Наталья. – Вы

уверены, что мы не повредим Михаилу Юрьевичу? Он этого не заслужил... Нет, не могу! Я думаю, это будет неправильно, и все равно, ее не воскресить...

– Да, журналист в тебе и правда, умер, – подала голос Ника, до сих пор предпочитавшая отмалчиваться.

– Зато человек еще жив! – парировала та. – Не из всего на свете можно сделать материал, жаль, что ты этого не понимаешь!

Ника вскочила и подойдя к подруге, обняла ее. Эмоциональная Наталья спрятала лицо у нее на плече, и расплакалась.

– Успокойся, – Ника гладила ее по вздрагивающей спине. – Не будет никакой статьи, никакого шоу, ничего... Ты права, остался вдовец, осиротели дети, не надо...

– А Генрих Петрович пускай дальше калечит людей! – в сердцах бросил Ярослав, видя, что его затея сорвалась. Ника сделала страшные глаза и указала ему на дверь. Пожав плечами, тот вышел. Спустя секунду лязгнул защелкивающийся замок на входной двери. Наталья подняла голову, прислушиваясь.

– Ушел? – оторвавшись от подруги, она поправила растрепанные волосы и посмотревшись в зеркало, стерла салфеткой размазанную помаду. Впрочем, большая часть ее макияжа уже была вытерта о плечо Никиной блузки. – Ты уж прости, но вы с ним совсем друг другу не подходите!

– Может быть, – улыбнулась та. – Я не успела понять, вто-

рой раз в жизни его вижу. Он завелся от этой истории, мечтал ее расследовать, вот и все.

– Так ты не... – разочарованно протянула Наталья и внезапно тоже рассмеялась. – Какая же я дура! Ну и отлично, что он ушел!

Отправляясь в прихожую проверить, хорошо ли заперта дверь, Наталья споткнулась о коробку и пожаловалась, что никак не может разобрать привезенные вещи.

– Я в каком-то бреду собиралась, наверное, кучу всего перезабыла... Например, сегодня утром искала косметичку, и не нашла, пришлось бежать в магазин и все покупать заново. Свой фотоальбом искала, хотела тебе, Ник, показать – нету.

– Альбома и я найти не могу, – заметила Ольга. – Вещи разобрала, все на месте, а его нет. И карта памяти с фотографиями куда-то делась. Можно сказать, пять лет жизни пропали.

– Как это? – воскликнула Наталья. – Я отлично помню твой альбом, сама его положила тебе в сумку. Розовый альбом с голограммой на обложке – его же за километр видно!

– Значит, положила мимо сумки, – ядовито возразила та. Но Наталья стояла на своем – альбом был упакован.

– Как свой укладывала – не помню, а твой вижу, как сейчас! Я положила его в синюю сумку с бежевыми вставками, в самую огромную! Там как раз оставалось место для альбома. Втиснула и застегнула.

– Его там нет, – Ольга приложила ладонь ко лбу. – Да ладно, может, и к лучшему, что он пропал, неохота вспоминать тот дом. Поехала я, девочки, мне два часа добираться. Машины не выделяют, на такси денег не дают, а вернуться будь добра вовремя!

– Еще вспомнишь старое место, и не раз! – упрекнула ее Наталья. Проводив бывшую коллегу, она вернулась и покачала головой, словно отвечая своим мыслям. Ее лицо без косметики казалось очень усталым, и Ника почувствовала жалость к подруге, беззащитностью и неустроенностью напомнимшей ей беженку.

– Не хотелось расстраивать Олю, – заметила Наталья, словно продолжая спор, – но если альбома нет, значит, среди ее новых сослуживцев кто-то ворует. Я точно его положила.

Глава 5

Нике удалось уйти только через час. Наталья умоляла остаться с ночевкой, уверяя, что ей с непривычки страшно в новой квартире. Ника мягко отговаривалась тем, что ребенок ни за что без нее не заснет, на подвыпившую хозяйку этот довод не действовал. Та сердилась, капризничала, и выпустила гостью только, взяв с нее твердое обещание увидеться на днях. «Как она изменилась за пять лет! – думала Ника, спускаясь в лифте. – Никогда не была такой капризной и трусливой, разболтанной... Что на нее повлияло – ленивая сытая жизнь, общение с душевнобольной хозяйкой?»

Она прошла мимо старенького «форда» Ярослава, не заметив его. Услышав отрывистые звуки клаксона, Ника обернулась:

– Ох, ты здесь еще?! Меня ждешь?

– Садись, – тот жестом пригласил ее в салон. – Не мог же я бросить тебя вдали от дома, в таком виде!

– В каком? – она уселась рядом с ним, открыла сумку и достав пудреницу, погляделась в зеркальце. – Немножко покраснелась.

– Немножко перебрала, – уточнил он, выруливая со двора и сигналив заигравшимся на проезжей части детям. – Женщины на удивление не самокритичны в этом вопросе.

– Тебе-то какое дело? – возмутилась Ника. – Ворчишь по-

тому, что ничего не добился. Они еще мягко тебе отказали! Я боялась, что вышвырнут и меня заодно...

Тот мотнул головой, не сводя глаз с дороги:

– Ольга боится заработать репутацию шпионки, и она права – с ее работой лучше помалкивать. А вот почему уперлась твоя подружка? Какое ей дело до того, расстроится бывший хозяин или нет? Она, часом, в него не влюблена? Ты его видела, хоть на фотографии?

Ника засмеялась, вспомнив, что когда Наталья бывала влюблена, об этом немедленно узнавал весь университет.

– Она ничего не умеет делать тайком, ей нужна публика. Зря выбрала журналистику, ей бы актрисой стать... А насчет фотографий, кстати!

История с пропавшими альбомами заинтересовала Ярослава так, что он свернул на обочину, остановил машину и заставил Нику все повторить. Сейчас, начиная понемногу трезветь, она и сама уловила в этой истории нечто странное.

– И пропали только альбомы?

– Ольга говорит, да. Кажется, она женщина педантичная, заметила бы другие пропажи. Наташа считает, что у Ольги ворует кто-то из новых коллег, но я не думаю... Кому нужен чужой альбом?

– Тому, кто заинтересован в его содержимом, – ответил Ярослав. – Такие вещи воруют у звезд, или у тех, на кого хотят собрать компромат.

Он извлек из сумки большое зеленое яблоко и задумчиво

надкусил его. Ника давно заметила, что яблоки были для ее нового знакомого тем же, что сигареты для курильщика – они помогали ему думать.

– Обокрадены сразу обе женщины, кражи одинаковые, значит, крал у них кто-то один. И еще там, в доме у банкира, – проговорил он, наконец, опуская стекло и выбрасывая огрызок на обочину. – Но кому нужны их альбомы?

– Может, кто-то из прислуги собирает такую коллекцию? – предположила Ника, отчего-то сразу вспомнив серое морщинистое лицо шофера, отвозившего ее за город. – Люди чего только не собирают. Я недавно искала материалы для статьи о коллекционерах, такого начиталась! Например, миллионер собирает кусочки мыла из отелей по всему миру, и чем дешевле отель, тем ценнее для него это грошовое вонючее мыльце. Некоторые собиратели прямо скажем, извращенцы – воруют грязное белье, ношеную обувь... А у некоторых принцип – чтобы все экземпляры коллекции были украдены, а не куплены.

– Ну да, и овдовевший банкир туда же! – фыркнул Ярослав. Он повернул ключ в замке зажигания и старенький «форд» снова влился в поток машин. – Я хотел бы посмотреть на него.

– У тебя еще не отпала охота заниматься этим делом? – Ника опустила стекло со своей стороны, теплый ветер затрещал длинными концами косынки, повязанной у нее на голове. Сегодня косынка была лиловой с кремовыми развода-

ми. – Ты хочешь поднять шум вокруг гибели этой женщины, а злодеем выставить психиатра... Но если тот ни в чем не виноват? Ты же ничего не знаешь, судишь о нем с чужих слов. Эти женщины его терпеть не могут. Ты можешь оказаться в глупом положении.

– Вот поэтому я и хочу познакомиться с ним лично! – заявил Ярослав, останавливая машину у светофора. – Ты со мной?

Его худое подвижное лицо сейчас было очень серьезным, и Нике вдруг показалось, что этот упрямый чудаковатый парень намного старше ее.

– Мне нужна твоя помощь!

Оказалось, у Ярослава уже имеется план по добыче информации. Генрих Петрович наверняка, имел другую врачебную практику, кроме погибшей жены банкира, а значит, не было ничего невозможного в том, чтобы войти в ряды его клиентов.

– Клиенток, – уточнил он. – Здесь нужна женщина, ты отлично сыграешь богатую нервную дамочку. Я хочу понять, какими методами он пользуется, чтобы входить в доверие к богатым людям. Ведь муж Ксении отказался от любых других врачей!

Первым движением Ники было наотрез отказаться – ввязываться в авантюры вообще было не в ее правилах. Она хотела сказать «нет», но отчего-то смолчала, продолжая слушать Ярослава. Хмель совсем прошел, его выдуло теплым

вечерним ветром, бившим в окно машины, и то, что говорил ее спутник, уже не казалось ей невозможным.

– Завтра позвонишь подруге и спросишь фамилию этого Генриха Петровича. Не знает – пусть поинтересуется у бывших коллег, кто-то же там остался, в этом заколдованном замке! Узнаем фамилию, и я тебе через пять минут найду его: где и когда принимает, сколько берет, как давно практикует.

– И я пойду к нему на прием, – иронично улыбнулась женщина. – Но я понятия не имею, как себя ведут богатые нервные дамочки!

– Да как все женщины на свете! – в сердцах воскликнул он. – Жалуйся, что тебя не понимает муж, что после рождения ребенка ваши отношения остыли, тебе одиноко, жизнь превратилась в сухую схему...

– Откуда ты знаешь? – невольно вырвалось у нее. Ника тут же смолкла, смущенно отведя взгляд. Ярослав после паузы сказал, что проблемы, в сущности, у всех людей одинаковые.

– Просто у некоторых больше денег.

– Кстати о деньгах, – ее щеки все еще горели от неловкости, Ника краснела легко. – Кто будет оплачивать эти сеансы?

Но и здесь у Ярослава был готовый ответ. Оказалось, что он располагал небольшой свободной суммой – по его расчетам, этого должно было хватить на десяток сеансов, пусть

даже самых дорогих.

– А там посмотрим! Главное, чтобы ты согласилась! – жизнерадостно заключил он. – Будешь спокойно решать за мой счет свои настоящие проблемы, они есть у всех, стыдиться тут нечего. Хуже, когда человек отрицает, что они у него есть. Есть такие, особо стыдливые... Доводят себя до инвалидности, потому что боятся откровенничать. На сеансы будешь брать с собой диктофон. После каждого свидания с Генрихом отсылай запись мне. Дам инструкции, как с ним держаться, на что наводить разговор... Думаю, будет интересно!

– И накладно, – напомнила практичная Ника. – Ты же понимаешь, что даже если получится материал, этих расходов тебе никто не компенсирует. Не жаль денег?

– А на что мне их тратить? – рука Ярослава потянулась к бардачку, где он хранил запас яблок. Ничего не обнаружив, психолог разочарованно фыркнул: – Вот черт, забыл купить! Знаешь, когда кончаются фрукты, я прямо места себе не нахожу. Мне важно знать, что они у меня есть. Не возражаешь, если остановимся у какого-нибудь магазина?

Ярослав как будто подшучивал над своим пристрастием, но Ника видела – ему не по себе. Она улыбнулась:

– Что ты! Приятно видеть, что кто-то западает на полезные вещи. Вот если бы тебе была нужна бутылка...

– Когда-то была нужна, – сразил ее Ярослав. – Что было, то было... Жил, как в дурном сне, любимую работу потерял,

семью измучил... Жена ушла, и правильно сделала. Дочери уже пятнадцать лет, вижу Таньку раз в полгода – чаще не хочет. Она ведь росла рядом с таким папой... – он покачал головой, не сводя глаз с дороги. – Я пять лет как чист, а она все равно, не может принять меня новым, не видит другим... Встречаемся – в глаза не смотрит, цедит что-то сквозь зубы. Ни денег, ни подарков не берет, можешь судить, как я ей приятен! Я все надеюсь, что с возрастом она меня простит, но иногда просто не верится... Ты как думаешь?

Ника вздохнула:

– Пас. Я же не знаю, как что ты вытворял. Может, и не простит.

– Спасибо за правду, – кивнул он. – Ненавижу сопливые утешения. Вон, кстати, магазин, купишь мне два кило яблок?

И почти насильно сунул ей деньги – расстроенная Ника хотела заплатить за яблоки сама:

– С какой радости ты будешь меня угощать? На что мне одному тратиться?

В магазине Ника успела обдумать предложение Ярослава, и вернулась в машину с готовым ответом. Робкая, домашняя сторона ее натуры противилась тому, чтобы ввязаться в авантюру, но Ника слышала и более сильный, явный голос, который убеждал согласиться. «Жизнь превратилась в схему», – сказал Ярослав, сам того не подозревая, поставив ей диагноз. «В самом деле, превратилась! – признала про себя женщина. – Все так привычно, предсказуемо, просто и...

И я больше так не хочу! Я чувствую себя старой, а ведь мне и тридцати нет!»

– Получай! – она уселась рядом с Ярославом и протянула ему пакет.

– Спасибо, – он выхватил яблоко покрупнее и жадно впился в него зубами. С хрустом прожевав первый кусок, признался: – Давно обо мне никто не заботился, а как хочется! Как думаешь, может, стоит жениться? Не поздно?

– Сколько же тебе лет?

– Тридцать пять.

– По нынешним меркам, рано, – авторитетно заявила женщина. – Есть кто-нибудь на примете?

– В том-то и беда, что есть, – шутливо вздохнул тот, расправляясь с яблоком. – Признаться, мне нравишься ты... Ну, согласна?

– Выйти за тебя замуж?!

– Пойти на прием к Генриху Петровичу! – он остановил машину. – Приехали. Если откажешься, придется идти самому, а этого бы не хотелось. Расколоть он меня не расколет, но почуять брата-психиатра может. Этот Генрих, судя по отзывам прислуги, хитрая лиса! А вот если придет милая молодая женщина в беде, он покажет себя во всем параде. Такие врачи-герои привыкли властвовать над пациентками, и не слишком высоко ставят их умственные способности. Тут-то их и надо ловить!

– Будем ловить! – с неожиданной смелостью ответила она

и протянула потрясенному Ярославу руку: – Не могу отказаться, искушение уж очень велико!

В первую минуту он молча тряс ее ладонь, не в силах подобрать слов, а когда набрался духу, признался, что совсем не верил в ее согласие.

– Ты мне казалась слишком... Самодостаточной, что ли? Такие женщины на авантюры не идут. Ты выглядела слишком счастливой, чтобы во все это ввязаться!

– Именно – выглядела, – она с трудом высвободила руку и приоткрыла дверцу машины. – В моей жизни давно уже ничего не происходит. Я согласна на все, с одним условием, что это не опасно. У меня ребенок, и рисковать собой я не могу.

Ярослав, выскочив из машины и провожая ее до подъезда, клятвенно пообещал, что как только ему почудится опасность, он немедленно освободит Нику от данного слова.

– Только опасности нет! – сказал он на прощанье, когда она уже открыла дверь подъезда. – Ты же не в лабиринт к Минотавру пойдешь, а на банальный сеанс психоанализа. Если боишься, пойду с тобой, посижу в приемной под видом мужа. Так даже больше узнаем. Главное, добудь мне фамилию!

Фамилию Генриха Петровича – Каляев – Ника узнала без труда, сразу по прибытии домой, позвонив Наталье. Перезвонила Ярославу, тот назвал ее умницей, и пообещал скорую встречу с Генрихом Петровичем.

– На всякий случай, будь готова уже завтра, – ошаршил

он сообщницу. – Оденься на работу как-нибудь... Ну, сама сообразишь, здесь я не советчик. Ты должна сойти за жену банкира, как минимум. Главное – не трусь!

– А я и не трушу! – ответила она, изрядно струсив. Попрощавшись и положив трубку, Ника встретила внимательный взгляд мужа. Олег даже не подумал выйти из кухни, где она говорила по телефону. Женщина нахмурилась, вопросительно глядя на него:

– Что-то хотел спросить?

– Многое, – сурово ответил он. – А ты ответишь?

– Что случилось, Олег? – раньше она смягчала его капризные вспышки ласковым словом, поцелуем, но сегодня у нее не было настроения. – Я что, вернулась слишком поздно?

– Наверное, надо радоваться тому, что вообще вернулась! – бросил он. – Конечно, я не имею права тебя упрекать. Я же согласился все воскресенье просидеть с ребенком!

– В чем дело? – у нее вспыхнули щеки. – В чем ты меня обвиняешь? Не хотел сидеть дома, позвал бы свою маму! Она никогда не отказывалась посидеть с Алешкой!

– А, теперь и моя мама годится! Ты на все согласна, чтобы пропасть на целый день и вернуться пьяной! – когда Олег повышал голос, он внезапно становился визгливым и вздорным, и до ужаса походил на голос его матери в минуты возбуждения. Ника закрыла глаза и досчитала до десяти – сперва в прямом, потом в обратном порядке.

– Я не пьяна, – ее голос слегка дрожал, когда она собралась

с силами, чтобы ответить. – Не больше, чем это допустимо после новоселья у подруги.

Олег в сердцах схватил ее за плечи и встряхнул так сильно, что сбившаяся на бок косынка сползла с ее головы и упала на пол:

– Кто этот тип, который высадил тебя из машины?!

– Господи, – пробормотала она, с ужасом глядя в его искаженное гневом, ставшее вдруг чужим лицо. – Ты меня ревнуешь? Ревнуешь к коллеге? Я должна оправдываться, что он тоже был приглашен и я разрешила себя подвезти? Может, мне бросить работу? Я ведь каждый день его там вижу! Приди в себя, Олег!

Ей казалось, что она приводит веские возражения, которые должны образумить мужа, но он впал в ярость. Ника отвернулась от Олега, продолжавшего изрыгать ругательства попеременно с упреками, налила себе кружку остывшего чая и жестом показав мужу, чтобы тот ушел с дороги, прошла в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.